

Подъем протекционизма в политике США и ЕС: как это повлияет на Восточную Азию?^{1, 2}

С. Пак

Пак Санчул – профессор Высшей школы конвергентных технологий и энергетики Технического университета Республики Корея; Korea, 429–793, Kyonggi-Do, Siheung-City, 2121 JeongwangDong; scpark@tukorea.ac.kr

Аннотация

Период после января 2020 г., на который выпали пандемия COVID-19 и начало конфликта на Украине, рассматривается как «новая нормальность» глобальной политической экономики. В то же время торговая война между США и Китаем, начавшаяся в период президентства Д. Трампа и плавно перешедшая в конфликт вокруг технологий при президенте Дж. Байдене, привела к усилению протекционизма в мировой торговле. Эти глобальные конфликты активизировали дискуссию о деглобализации и реглобализации. Данные события, так или иначе, привели к росту инфляции, энергетическому и продовольственному кризису, распаду глобальных цепочек поставок, что и составляет сущность «новой нормальности», отличной от ушедшего в прошлое времени низкой инфляции и эффективно функционирующих цепочек поставок, опирающихся на международное разделение труда. Стремясь укрепить свой экономический и политический потенциал, администрация Байдена качественно переработала подход предшественников, чьим лозунгом был «Америка прежде всего» (“America First”). Администрация Байдена выбрала своим девизом «Сделано в Америке» (“Made in America”), а основой ее политики стали Закон о чипах и науке (CHIPS and Science Act; CSA) и Закон о снижении инфляции (Inflation Reduction Act; IRA) – они оба являются иллюстрацией нового витка американского торгового протекционизма. В то же время Европейский союз рассматривает возможность принятия Закона о нулевых выбросах в промышленности (Net Zero Industry Act; NZIA) и ряда других законопроект. Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что принятие протекционистских мер в угоду соображениям экономической безопасности дестабилизирует мировую торговлю, что может оказать негативное воздействие на экономики стран Восточной Азии. Статья представляет результаты анализа нового протекционистского тренда в политике США и ЕС. В фокусе исследования также находится протекционистская политика стран Восточной Азии в целом и Республики Корея в частности.

Ключевые слова: глобальная экономика, новая нормальность, протекционизм, торговый и технологический конфликт, США, ЕС, Восточная Азия

Для цитирования: Пак С. Подъем протекционизма в политике США и ЕС: как это повлияет на Восточную Азию? // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2. С. 21–55 (на русском и английском языках). doi: 10.17323/1996-7845-2024-02-02

¹ Статья поступила в редакцию 14.11.2023.

² Перевод статьи выполнен А.А. Игнатовым, кандидатом политических наук, старшим научным сотрудником Центра исследований международных институтов Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Введение

Несмотря на отсутствие единства мнений внутри академического сообщества, широко распространено представление, что мир движется к установлению нового глобального порядка — впервые после окончания холодной войны. Период между пандемией COVID-19 (январь 2020 г.) и началом украинского конфликта представляет собой новую разновидность нормы. В то же время торговая война между США и Китаем, начавшаяся в период администрации президента Д. Трампа и плавно перешедшая в конфликт вокруг технологий при президенте Дж. Байдене, привела к усилению протекционизма в мировой торговле. Эти глобальные конфликты активизировали дискуссию о деглобализации и реглобализации. Указанные события, будь они ожидаемыми или непредвиденными, привели к росту инфляции, энергетическому и продовольственному кризисам, распаду глобальных цепочек поставок, что и составляет сущность «новой нормальности», в отличие от ушедшего в прошлое периода низкой инфляции и эффективно функционирующих цепочек поставок, опирающихся на международное разделение труда [Benigno et al., 2022; Nye, 2022; OECD, n.d.; IMF, 2023].

Стремясь укрепить свой экономический и политический потенциал, администрация Байдена качественно переработала подход своих предшественников, опирающихся на лозунг «Америка прежде всего» (“America First”). Администрация Байдена выбрала своим девизом «Сделано в Америке» (“Made in America”), а основой ее политики стали Закон о чипах и науке (CHIPS and Science Act; CSA) и Закон о снижении инфляции (Inflation Reduction Act; IRA) — оба являются яркой иллюстрацией нового витка американского торгового протекционизма. Принятые Законы призваны коренным образом перестроить глобальные цепочки поставок и создания стоимости, особенно в сфере высокотехнологичного производства, а также вдохнуть новую жизнь в реальный сектор американской экономики, создать новые рабочие места и обеспечить экономический рост. Более того, они могут сыграть не последнюю роль в сдерживании экономической экспансии Китая как в масштабе всего мирового хозяйства, так и непосредственно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Параллельно с США Европейский союз также инициировал принятие Закона о нулевых выбросах в промышленности (NZIA), Закона о критически важных редкоземельных металлах (CRMA), запустил Механизм трансграничного углеродного регулирования и принял ряд других мер, которые в совокупности являются проявлениями зеленого протекционизма в отношении зарубежных партнеров [The White House, 2022a; 2023; European Commission, 2023a; 2023b].

Система международной торговли, основанная на конкуренции и открытости границ, вновь находится под ударом протекционизма, в этот раз инспирированного развитыми экономикками. Глобальные игроки критикуют Китай за его протекционистскую политику, за создание для иностранных компаний заведомо неравных конкурентных условий, что особенно характерно для финансового рынка и производства накопителей энергии. По их мнению, действия Китая приводят к дестабилизации глобальных цепочек поставок в условиях политики нулевой толерантности к COVID-19, для которой характерна низкая доступность данных. Действительной же причиной роста протекционизма является торговый дисбаланс между Западом и Востоком. Согласно имеющимся оценкам, дисбаланс в торговле между США и Китаем в период администрации Трампа снизился с 418 млрд долл. США в 2018 г. до 310 млрд долл. США в 2022 г. Однако уже в 2021–2022 гг. этот показатель увеличился сначала до 355 млрд долл. США, а затем до 382 млрд долл. США.

Дефицит торгового баланса между ЕС и Китаем следует той же тенденции начиная с 2012 г. В 2018 г. он составлял 155 млрд евро, а уже к 2022 г. возрос до 396 млрд евро

(432 млрд долл. США). В период пандемии торговый дефицит между ЕС и Китаем увеличился особенно заметно – еще в 2020 г. он составлял 182 млрд евро, а в 2022 г. возрос до 396 млрд евро, что означает почти двукратный рост [Statista, n.d.; Eurostat, 2023].

Помимо растущего дефицита торгового баланса с Китаем, США и ЕС обеспокоены его быстрым прогрессом в сфере высоких технологий, особенно в области технологий искусственного интеллекта (ИИ), телекоммуникаций, новых материалов, стратегически важных редкоземельных металлов и других, связанных с передовыми технологическими решениями, составляющими основу Четвертой промышленной революции. Реализация Китаем накапливаемого потенциала позволит ему стать не только экономической, но и военной сверхдержавой, а также ведущим политическим актором на мировой арене в самом ближайшем будущем, вследствие чего его влияние на международную торговлю станет определяющим. Принимая все это во внимание, в 2019 г. ЕС открыто заявил о том, что Китай является его экономическим соперником, а их противостояние носит системный характер. В то же время ЕС рассматривает Китай в качестве партнера и заявляет о готовности к переговорам в будущем. ЕС также не включает Китай в список развивающихся экономик. США наградили Китай статусом стратегического соперника в 2021 г., а также заявили, что Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ) отныне не рассматривают его как развивающийся рынок и, следовательно, Китаю не будет предоставляться грантовая поддержка. Соперничество между Китаем, США и ЕС усиливается в глобальном масштабе, а их торговые отношения все меньше соответствуют определению партнерских. В совокупности эти обстоятельства могут дестабилизировать международный рынок и повысить производственные издержки в рамках международных цепочек поставок [European Union, 2022; Council on Foreign Relations, n.d.].

Настоящая статья посвящена рассмотрению современных трендов в мировой политической экономике и непосредственно фокусируется на проблемах международной торговли. Исследование затрагивает вопросы, связанные со второй волной протекционизма в политике США и ЕС, а также ответными мерами Китая. Кроме того, в статье также рассматривается подъем протекционизма в регионе Восточной Азии и непосредственно в действиях руководства Республики Корея. Еще одной темой статьи являются торговые стратегии США и ЕС – для обеих стратегий характерно наращивание торговых барьеров и усиление мер, направленных на стимулирование внутреннего рынка. Для достижения заявленных целей исследования применяются различные методы, в том числе метод критического анализа литературы, метод логического вывода, метод кросс-секторального анализа, а также методы качественного статистического анализа.

Анализ литературы и теоретических подходов

Наиболее влиятельные экономисты демонстрируют растущую солидарность с позицией критиков мирового либерального экономического порядка. В США и ряде других стран действительно наблюдается снижение интеллектуальной и политической поддержки свободной торговли. После мирового финансового кризиса 2008 г. (МФК) начали меняться и оценки в отношении протекционизма, что вновь особенно заметно на примерах США и ЕС.

Экономическая теория предполагает, что сравнительные преимущества и экономия на масштабе создают экономическую выгоду за счет повышения эффективности, основанной на разделении труда. Именно поэтому рост тарифов, сопровождающийся зеркальными ограничительными мерами, оказывает столь сильное воздействие на международную торговлю и приводит к замедлению экономического роста. Теория

никогда не утверждала, что свобода торговли одинаково полезна для всех отраслей и всех вовлеченных сторон. Тем не менее объем получаемых выгод позволяет победителям компенсировать убытки проигравшим. В итоге такая система становится притягательной для всех за счет роста совокупной прибыли. Именно таким образом свободная торговля способствует росту национального благосостояния стран-участниц [O'Rourke, Williamson, 2001; Rosen, 2008].

Теория утверждает, что ресурсы всегда ищут наиболее эффективное применение. Однако данный принцип не работает, когда правительства и рынки не справляются со своими задачами. В качестве примера можно привести быстрый рост экономик многих стран Восточной Азии после перехода к рыночной экономике, хотя данный тезис и подвергается нападкам со стороны критиков, которые утверждают, что эти экономики выиграли не от свободной торговли, а от экспортно ориентированного роста и высоких торговых барьеров.

Другой пример представляют страны Африки южнее Сахары, которые в основном не добились успеха в обеспечении экономического роста, причиной чего считается их ориентация на экспорт первичных продуктов: природных ресурсов, промежуточных товаров, а также рабочей силы. Разочарование многих стран Латинской Америки в неолиберальной экономической политике привело к формированию устойчивого тренда на «левизну», что в экономическом плане выражается в сравнительно большем вмешательстве со стороны государства в рыночные отношения. Многие правительства Латинской Америки отталкиваются от мысли, что мировая свободная торговля несправедлива и приводит к росту бедности, а не накоплению богатств. Иная точка зрения состоит в том, что корни современного экономического роста следует искать в процессе экономической дивергенции, который зародился на рубеже XIX и XX вв. и который в итоге и ответственен за выраженные различия между странами по показателям дохода на душу населения и в общем уровне благосостояния [Lawrence, Weinstein, 1999; Osampo, 2004; Acemoglu, 2009].

Даже в Китае после МФК можно обнаружить спад интереса к дальнейшей либерализации международной торговли и смещение внимания на формирование двусторонних связей и создание мегазон свободной торговли (ЗСТ) в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ЗСТ), что служит цели ограничения влияния США. После МФК во всем мире наблюдается спад поддержки концепции глобализации, что приобрело особенно выраженный характер в США и Великобритании [Bouton et al., 2011; Hillebrand et al., 2010].

Еще в 1972 г. Самуэльсон [Samuelson, 2004] заявил, что совокупный выигрыш от торговли не обязательно является положительным для всех стран. Далее он развил свою идею и добавил, что экономический рост в остальном мире может нанести ущерб стране, если он происходит в секторах, которые конкурируют с ее экспортом, при этом экспортируемые товары обладают сравнительно более низкой конкурентоспособностью. В результате относительный и даже абсолютный ВВП страны на душу населения может упасть в таких условиях. Гомори и Баумоль [Gomory, Baumol, 2009] развили концепцию Самуэльсона и заявили, что в современном мире свободной торговли существует несколько возможных равновесий с совершенно разными результатами для стран. Поэтому они поддерживают протекционистскую торговую политику США [Samuelson, 2004; Gomory, Baumol, 2009].

Бхагвати [Bhagwati, 2009] выступил с критикой идеи Самуэльсона и отметил, что его подход не может оправдать протекционистскую политику США. Он также отрицает аргумент Гомори и Баумола, считая, что США не смогли выработать эффективную промышленную политику для исправления ситуации, хотя подход Гомори и Баумоля и был верен. Кругман и Обсфельд [Krugman, Obstfeld, 2009] поддерживают аргумента-

цию Бхавати в том, что это скорее эмпирический вопрос, чем факт, действительно ли рост стран Восточной Азии нанес ущерб развитым странам, хотя в теории такой сценарий вполне возможен [Bhagwati, 2009; Krugman, Obsfeld, 2009].

Экономисты разработали теоретические модели, способные подсчитать долгосрочные выгоды свободной торговли и прирост благосостояния, приобретаемого вследствие снижения или полного снятия торговых барьеров. Следуя логике этих моделей, Кругман, Брода и Вейнштейн [Broda, Weinstein, 2006] сделали предположение, что выгоды от свободной торговли для общества проявляются через общий рост товарного разнообразия и качества продукции. Тем не менее статическая модель роста за счет либерализации торговли оставляет сторонников открытых границ в уязвимом положении, поскольку подобные модели принимают во внимание только краткосрочные частичные равновесные выигрыши в эффективности [Broda, Weinstein, 2006].

Развивая указанные теоретические построения с целью определить долгосрочные равновесные выигрыши и воздействие свободной торговли на показатели экономического роста, экономисты разработали динамические модели, в основе которых лежат межстрановые регрессии. Асемоглу [Acemoglu, 2009], тем не менее, не дает четкого ответа на вопрос о связи между ростом и торговлей, поскольку имеющиеся модели указывают на наличие как позитивных, так и негативных эффектов, и, следовательно, требуется провести дополнительные эмпирические исследования. Левер и Ван дер Берг [Lewer, Van den Berg, 2007] также отмечают, что для понимания сути рассматриваемого явления требуется как дальнейшее развитие динамических моделей, так и накопление эмпирических данных. Кроме того, необходимо глубже изучить взаимосвязи между торговлей и технологическим развитием, равно как и между торговлей и институциональным развитием [Bradford, Greico, Hufbauer, 2006; Feenstra et al., 2009].

В представленной статье вместо статических мы используем динамические модели, несмотря на необходимость их дальнейшего развития и совершенствования, поскольку они дают более точные результаты. Двойственный консервативный характер теории торговли, на наш взгляд, лучше иных теоретических моделей объясняет как причины подъема протекционизма в американской торговой политике после МФК, так и особенности торговой политики администраций Трампа и Байдена. Тем не менее избранная теоретическая модель имеет свои ограничения в части выбора правильной торговой стратегии, способной обеспечить устойчивый глобальный экономический рост. На наш взгляд, применение динамической модели способно трансформировать долгосрочный тренд на принятие протекционистских мер в пользу либерализации торговой политики из соображений ожидаемого долгосрочного роста эффективности и экономического роста. В настоящей работе также приводится объяснение причин возникновения дефицита торгового баланса между США, ЕС и странами Восточной Азии в целом и его углубления в XXI в. в частности [Dunn, 2015].

Протекционизм в торговой политике США

Предыстория

Несколько лет сравнительно высокого экономического роста в преддверии МФК и усиление имущественного неравенства, заметно углубившегося сразу после кризиса, стали причиной роста популизма в политике США и ЕС, что в итоге привело к Брекзиту и победе Трампа на выборах в США. Парадоксально, но именно США и Великобритания, самые влиятельные сторонники глобализации, под воздействием долгосрочных последствий МФК, наиболее заметным из которых стал рост протекционизма, переш-

ли к политике деглобализации. В таких условиях остальному миру следует ожидать экономического спада, обусловленного ростом комбинации экономических и политических рисков. Страны Восточной Азии опасаются дальнейшего усиления тренда на деглобализацию и протекционизм из-за негативных ожиданий в отношении их собственного экономического роста.

Ключевые факторы усиления протекционизма в американской политике

После МФК протекционизм начал усиливаться в глобальном масштабе, особенно ярко проявив себя в 2015 г. Крупнейшая экономика мира, США, встала во главе это тренда, что нанесло ощутимый удар по всей мирохозяйственной системе. Нельзя отрицать, что протекционизм всегда имел место в системе международной торговли. Торговые тарифы начали постепенно снижаться в развитых и развивающихся государствах в 1980-е годы. Тем не менее в 1990-е годы возник глобальный тренд на усиление нетарифных ограничений. Принято считать, что подъем протекционизма в политике США соответствует названным трендам. Американский протекционизм оказывает существенное воздействие на другие страны в силу значительного превосходства размера экономики США над зарубежными партнерами. Таким образом, причины усиления протекционизма в политике США представляют важную исследовательскую проблему. Мы считаем, что возникновение данного тренда может быть обусловлено тремя факторами.

Во-первых, причиной перехода США к протекционистской политике могут быть имущественное неравенство, существенно усилившееся после 2000-х годов, и структура распределения доходов. Экономисты еще не пришли к единому мнению относительно того, является ли свободная торговля фактором усиления имущественного неравенства. Некоторые эксперты настаивают на том, что свободная торговля обуславливает только 20% совокупного роста неравенства в 1970–1980-е годы, когда американская торговля фокусировалась преимущественно на развитых странах глобального Севера. Со сменой направления с модели Север – Север на Север – Юг (торговля с развивающимися странами) в 1990-е годы обнаруживаются признаки негативного влияния торговли на уровень оплаты труда в сегменте низкоквалифицированного труда, в котором показатель почасовой оплаты труда находился в статичном состоянии начиная с 1980-х годов. В результате затраты на оплату труда в структуре производственных издержек стали существенно отставать от роста показателя реального ВВП на душу населения. Более того, доля располагаемого дохода 1% самых состоятельных граждан возросла к 2020 г. до отметки 20,2% против аналогичного показателя в 10,5% в 1980-е годы, в то время как данный индикатор для 50% наименее состоятельных упал за тот же период с 20,5 до 10,2%. В 2015 г. эти показатели составляли 20 и 13% соответственно. Это значит, что неравенство существенно усилилось с началом пандемии COVID-19 в декабре 2019 г. В результате показатели неравенства в 2020 г. оказались более высокими, чем в 1980-м [Alvaredo et al., 2017; Piketty, 2014; York, 2023] (рис. 1).

Во-вторых, причина может быть в подъеме Восточной Азии, изменившем торговые отношения между странами региона и США. После Второй мировой войны страны Восточной Азии достигли экономического процветания, при этом аналога Плана Маршалла для них не было. Экономические успехи этих стран были обеспечены за счет торговой экспансии, отталкивавшейся от сравнительных конкурентных преимуществ. Безусловно, рынки США и ЕС также сыграли значительную роль в стремительном экономическом подъеме восточноазиатских стран. Экономический рывок Японии

пришелся на 1960–1970-е годы. «Четыре азиатских тигра» – Гонконг, Сингапур, Южная Корея и Тайвань – продемонстрировали стремительный рост в 1980–1990-е годы. В 2000-е годы на передовые позиции вышел Китай.

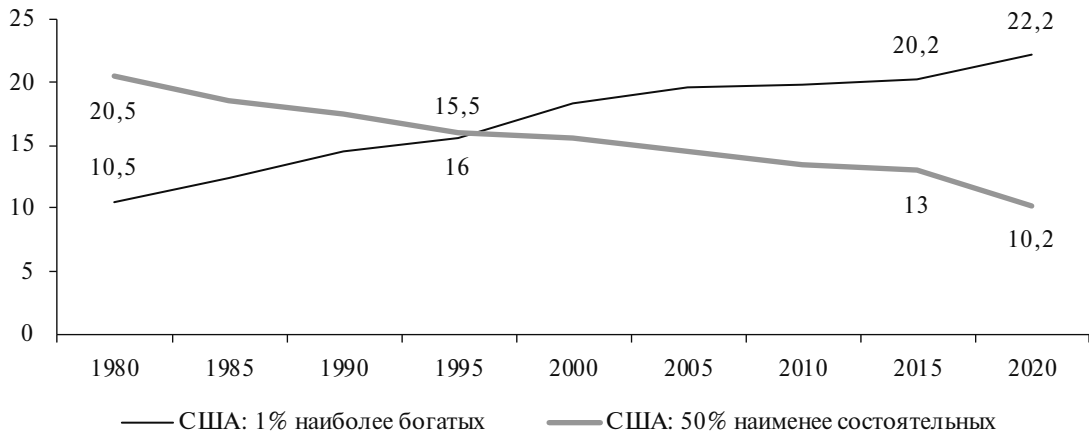

Рис. 1. Доля доходов до налогообложения в США, 1980–2020 гг., %

Источники: [Bouton et al., 2011; Hillebrand, 2010].

Правительство США считало, что вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) могло бы способствовать укреплению гармоничной взаимозависимости в мировой торговой системе. В реальности же со временем США пришли к заключению, что Китай является их стратегическим соперником. Ощущение уязвимости еще больше усилилось в 2010 г. после выхода китайской экономики на вторую позицию в мире. Правительство США и мировое сообщество твердо убеждены в том, что Китай применяет инструменты нечестной конкуренции, следовательно, его соседи по региону – Южная Корея и Япония – могут считаться более предпочтительными торговыми партнерами. Кроме того, правительство США подчеркивает, что Китай не только экономический соперник США, он представляет собой гораздо более многоплановую угрозу. Меркантилистская политика Китая и имеющиеся в его распоряжении конкурентные преимущества привели к ослаблению реального сектора американской экономики, что может угрожать стабильности поставок военной продукции в случае открытого конфликта, поскольку американские оборонные предприятия зависят от продукции, производство которой отдано на аутсорс китайским подрядчикам [Bouton, 2011; Hillebrand, 2010].

В период администрации Обамы был введен ряд тарифных ограничительных мер, которые, однако, имели чисто регуляторный характер. В 2009 г. президентская администрация представила пакет стимулирующих экономических мер, проходивших под общим лозунгом «Покупай американское» (“Buy American”). Эти меры были не чем иным, как разновидностью протекционистской политики, направленной на максимизацию выгод, получаемых от стимулирования развития национального рынка. Этот тренд сохранился в период администраций Трампа и Байдена и воплотился в лозунгах «Америка превыше всего» (“America First”) и «Сделано в Америке» (“Made in America”), а также подкрепляющих их мер экономического стимулирования [Genereux, 2017; The White House, 2022b].

В-третьих, причиной перехода США к протекционистской политике может быть сравнительно низкая зависимость американской экономики от мировой торговли, как в случае Бразилии и Китая. Пожалуй, экономику США можно считать наименее зависящей от мировой торговой системы – в 2009, 2017 и 2021 гг. доля ВВП США, создаваемого благодаря торговле, составляла соответственно 25, 27 и 25%, в то время как показатели экономики Китая за те же годы составляли 45, 38 и 37% соответственно. Страны, зависящие от экспорта как основного источника роста, могут подвергнуться непосредственному негативному воздействию от вводимых импортных тарифов и других торговых ограничений. В условиях подъема протекционизма небольшие открытые экономики более уязвимы, чем крупные, но закрытые. В мировой экономической системе примерами первого случая могут считаться Южная Корея и Таиланд или Нидерланды, тогда как США и Бразилия будут отнесены ко второй группе. Таким образом, американская экономика в меньшей степени пострадает от введения протекционистских мер, так как мало зависит от торговых доходов. Это может объяснить, почему администрации Обамы, Трампа и Байдена обратились к протекционизму [The World Bank, n.d.] (рис. 2).

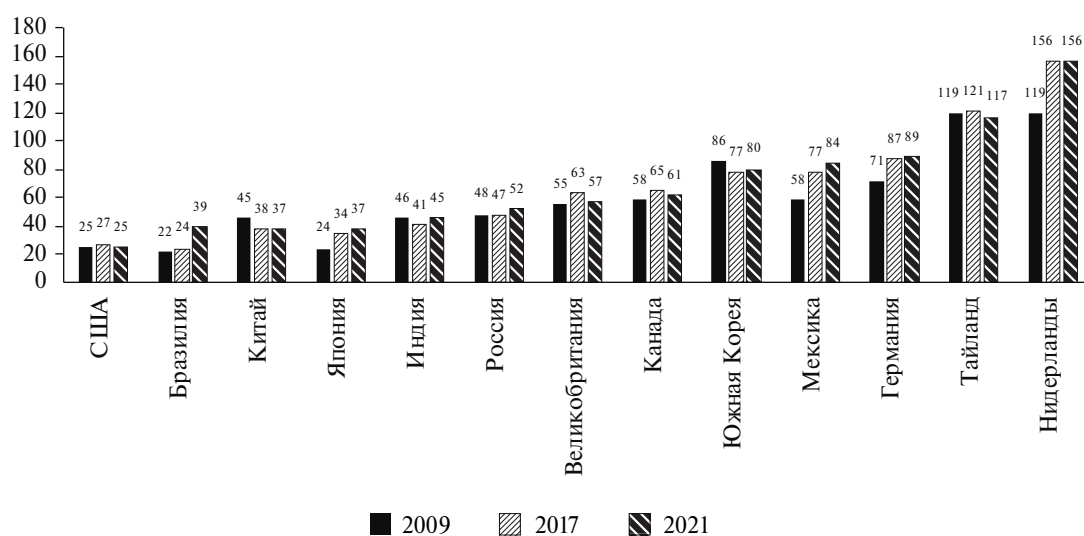

Рис. 2. Степень открытости национальных рынков, 2009, 2017, 2021 гг., %

Источник: [World Bank, n.d.].

Тенденции протекционистской торговой политики США

Пакет экономического стимулирования администрации Обамы «Покупай американское» включал 787 млрд долл. США субсидий для государственных проектов, которые предполагали использование исключительно произведенных на территории США товаров. Местные органы власти, получившие средства по Акту восстановления, должны были выполнить требование программы «Покупай американское». Выполнение этого условия представляло собой нетривиальную задачу, потому что многие продукты включали компоненты, произведенные за рубежом, что в итоге имело разрушительный эффект для сферы муниципальных закупок. Кроме того, это вполне могло привести к принятию другими странами ответных мер. Именно поэтому республиканцы настой-

чиво призывали правительство Обамы свернуть программу «Покупай американское», что, несомненно, могло считаться примером торгового протекционизма со стороны США [Palmer, 2009].

С приходом администрации Трампа в январе 2017 г. американский торговый протекционизм стал фокусироваться на создании новых рабочих мест и привлечении прямых иностранных инвестиций. Перечень принимаемых мер включал повышение тарифов на импортные товары и налоговые льготы для экспортируемой продукции. Архитекторы американского меркантилизма рассматривали международную торговлю как мир победителей и проигравших, ставя во главу угла достижение положительного сальдо торгового баланса. Правительство США критиковало Китай, Японию и Южную Корею, скептически относилось ко всем соглашениям о свободной торговле, таким как Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА) или Соглашение о свободной торговле между Республикой Корея и США (KORUS FTA). Руководствуясь данным подходом, сильно упрощающим картину реальности, Трамп распорядился прекратить участие США в Транстихоокеанском партнерстве и пошел на пересмотр условий соглашений НАФТА и KORUS – в 2020 г. между США, Канадой и Мексикой вступило в силу соглашение USMCA; условия KORUS также были изменены. В соответствии с избранным курсом США пошли на введение штрафных санкций против своих основных торговых партнеров, в частности Китая. Правительство США также оказывало давление на местных производителей, подталкивая к изменению их стратегий инвестирования за рубеж. Предпринятые США шаги наглядно продемонстрировали готовность страны пересмотреть свою роль в мировой экономике и геополитике [Genereux, 2017; Feinman, 2016; USTR, 2017a; 2017b].

Правительство Байдена заявило о том, что США привержены идее развития Индо-Тихоокеанского региона в ключе свободы и открытости, способствуя созданию прочных партнерств и поддерживая стремление к совместному процветанию, безопасности и устойчивости перед вызовами. Эта концепция легла в основу Стратегии для Индо-Тихоокеанского региона, которая также предполагала усиление регионального присутствия Европейского союза. ЕС ответил на призыв США, руководствуясь соображениями развития демократии в интересах экономической безопасности. Задачами Стратегии для Индо-Тихоокеанского региона являются обеспечение свободы и открытости региона; укрепление связей внутри региона и за его пределами; процветание стран региона; поддержание общерегиональной безопасности и устойчивости перед лицом международных вызовов [The White House, 2022c].

Для обеспечения реализации стратегии правительство Байдена представило планы действий по десяти ключевым направлениям. В интересах усиления регионального экономического сотрудничества в октябре 2021 г. на очередном ежегодном Саммите для Восточной Азии была представлена Индо-Тихоокеанская экономическая структура (ИТЭС), на основе которой строилась вся экономическая стратегия администрации Байдена. ИТЭС включает четыре базовых элемента: справедливую и устойчивую систему региональной торговли; устойчивые цепочки поставок; развитие инфраструктуры, чистую энергетику и декарбонизацию; эффективное налогообложение и противодействие коррупции. Представитель США по вопросам торговли отвечает за развитие первой опоры, а Министерство торговли США (Department of Commerce) занимается тремя другими направлениями [Goodman, Arasaingham, 2022; Natalegawa, Poling, 2022] (табл. 1).

Несмотря на изначально теплый прием со стороны союзников и партнеров США в регионе, администрация Байдена рано или поздно столкнется с проблемами в реализации каждой из четырех опор в силу значительной разницы экономических и политических

интересов региональных игроков. Представитель США по торговым вопросам заявил о том, что договоренности в рамках первой опоры будут сопряжены с принятием юридических обязательств. Это может стать весьма значительной проблемой, так как по своей природе региональная ИТЭС скорее относится к сфере ответственности органов исполнительной власти, и принимаемые для ее реализации решения не требуют обязательного одобрения со стороны Конгресса, как происходит в случае традиционных торговых соглашений. Из этого следует, что администрация президента США не может предлагать партнерам условия, исполнение которых потребует принятия поправок в американское законодательство, например в целях обеспечения большей открытости рынка. И демократы, и республиканцы выступают против заключения любых новых соглашений о свободной торговле, которые подразумевали бы большую открытость американского рынка. Это не могло не вызвать среди союзников и партнеров США обоснованных опасений относительно потенциальной уязвимости ИТЭС перед лицом присущих американской политической системе внутренних конфликтов и противоречий – США вполне могут отказаться от продолжения участия в ИТЭС в случае, если действующая или будущие администрации придут к заключению, что она более не соответствует американским национальным интересам. Таким образом, некоторые региональные партнеры США могут колебаться в процессе принятия решения о присоединении к соглашениям в области цифровой торговли, регулирования рынка труда и экологической политики, так как присоединение сопряжено с необходимостью следовать высоким обязательным согласованным стандартам, что вовсе не гарантирует странам-участникам с низким и средним уровнями ВВП на душу населения достижение каких-либо краткосрочных экономических или политических выгод [The White House, 2022d].

Таблица 1. Предметная область и административное устройство Индо-Тихоокеанской экономической структуры (ИТЭС)

Опора	Предметная область	Содержание	Ответственные государственные органы
1	Справедливая и устойчивая торговая система	Трудовая политика, окружающая среда, цифровые стандарты и др.	Представитель США по торговым вопросам
2	Устойчивые цепочки поставок	Пять ключевых отраслей промышленности: полупроводники, накопители энергии большой емкости, критически важные ресурсы и материалы, а также фармацевтическая продукция	Министерство торговли США
3	Инфраструктура, чистая энергетика и декарбонизация	Снижение стоимости энергии, получаемой из возобновляемых источников, ниже стоимости ископаемых источников; финансовая поддержка; инициатива ВЗВ («Вновь построим лучший мир»; Build Back Better World)	
4	Налогообложение и противодействие коррупции	Глобальное соглашение о минимальном размере корпоративного налога	

Источники: составлено автором на основе [Goodman, Arasaingham, 2022; The White House, 2022a; 2022d].

Администрация Байдена и особенно Министерство торговли США ожидают, что наиболее развитые экономики региона, в частности Австралия, Япония, Южная Корея, Новая Зеландия и Сингапур, присоединятся к ИТЭС и примут деятельное участие в перестройке глобальных цепочек поставок. Это особенно важно для достижения большей автономии в четырех стратегических областях промышленности: производстве полупроводников, накопителей энергии большой емкости, добыче критически важных минералов и производстве критически важных минералов, а также фармацевтической продукции. Названные сферы могут оживить реальный сектор американской экономики и укрепить цепочки поставок. Для достижения данной цели конгресс США принял Закон о чипах и науке (CSA) и Закон о снижении инфляции (IRA). Оба закона призваны обеспечить стабилизацию экономики и непосредственно оборонной отрасли. Принятые законы привели к разногласиям между США, Японией, Южной Кореей и ЕС. Далее Япония, Южная Корея, США и Тайвань объявили о запуске инициативы Chip4Alliance для сдерживания растущего влияния Китая в сфере производства чипов. Австралия, Новая Зеландия и Сингапур заявили о своей заинтересованности в обеспечении экономической безопасности в рамках данной структуры. С другой стороны, ожидается, что Индия, семь государств – членов АСЕАН и Фиджи будут более активно проявлять себя в переговорах с Министерством торговли США по трем другим предметным направлениям, руководствуясь стремлением нарастить собственное экономическое и политическое влияние. Их подход укладывается в определение *a la carte* – выбор из нескольких доступных опций с опорой на собственные приоритеты. Правительство Байдена использует региональную торговлю как инструмент поддержания экономической безопасности в соответствии с политикой «Сделано в Америке», предусматривающей возврат производств американских компаний обратно в родную юрисдикцию в интересах оздоровления реального сектора наряду с переформатированием цепочек поставок в стратегически важных отраслях. Все это есть не что иное, как новый этап развития американского протекционизма [Goodman, Reinsch, 2022; Goodman, Arasaingham, 2022; Natalegawa, Poling, 2022] (табл. 2).

Таблица 2. Этапы развития американской политики торгового протекционизма, 2009–2021 гг.

Администрация	Обама (2009 г.)	Трамп (2017 г.)	Байден (2021 г.)
Лозунг	«Покупай американское»	«Америка превыше всего»	«Сделано в Америке»
Ключевые характеристики и особенности	<p>Приоритет американской продукции в государственных закупках.</p> <p>Недостаток отдельных компонентов, которые не производятся в США, на внутреннем рынке.</p> <p>Критика со стороны республиканцев как формы протекционизма</p>	<p>Высокие тарифы на импортируемые товары из Китая и стран-партнеров.</p> <p>Налоговые льготы на экспортируемые американские товары.</p> <p>Поддержана демократами и республиканцами.</p> <p>Конфликты по торговым вопросам</p>	<p>Отказ от мегасоглашений по торговым вопросам, исключение – ИТЭС.</p> <p>CSA + IRA</p> <p>Инициатива Chip4Alliance.</p> <p>Перестройка цепочек поставок в стратегических отраслях.</p> <p>Возврат производств и восстановление промышленности. Достигнут консенсус между демократами и республиканцами о необходимости сдерживать рост Китая</p>

Источник: составлено автором.

Создание ИТЭС оказало положительное воздействие на американский торговый баланс по итогам 2023 г. Дефицит торгового баланса снизился на 178 млрд долл. США — с 951 млрд долл. (2022 г.) до 773 млрд долл. (2023 г.), благодаря росту экспорта (+35 млрд долл.) и снижению импорта (–143 млрд долл.) в течение данного периода. Дефицит торгового баланса в товарном сегменте снизился на 121 млрд долл., а профицит в сегменте экспорта услуг составил 56 млрд долл. В совокупности дефицит товарной торговли и торговли услугами снизился в 2022–2023 гг. с 3,7% ВВП до 2,8% ВВП. Наиболее выражено дефицит торгового баланса в товарном сегменте проявился в промышленности, товарах широкого потребления, производстве готовых автомобилей, их компонентов и двигателей [U.S. Bureau of Economic Analysis, 2024] (рис. 3).

Дефицит торгового баланса США в товарном сегменте сложился преимущественно под влиянием стран Восточной Азии — Китая, Японии, Южной Кореи, Вьетнама, Тайваня, Индии, Таиланда, Малайзии. Определенный вклад внесли и соседи США — Мексика и Канада. Третий по величине показатель торгового дефицита сложился в отношениях с некоторыми из стран ЕС — Германией, Ирландией, Италией, Австрией и Францией. Благодаря реализации ИТЭС торговый дефицит между США и Китаем снизился на 102,9 млрд долл. до отметки 274,4 млрд долл., однако в то же время дефицит между США и Мексикой и США и Канадой возрос на 21,9 млрд долл. и 12,2 млрд долл. соответственно, достигнув отметок 152,4 млрд долл. и 67,9 млрд долл. соответственно. Снижение торгового баланса между США и Китаем стало максимальным по сравнению с другими ключевыми торговыми партнерами. Следовательно, ИТЭС, основанная на Законе о чипах и науке и Законе о снижении инфляции, функционирует так, как было задумано, и оказывает ожидаемое воздействие на ситуацию в области производства полупроводников и накопителей энергии большой емкости — именно эти отрасли приоритизирует правительство Китая [Goodman, Reinsch, 2022; U.S. Bureau of Economic Analysis, 2024].

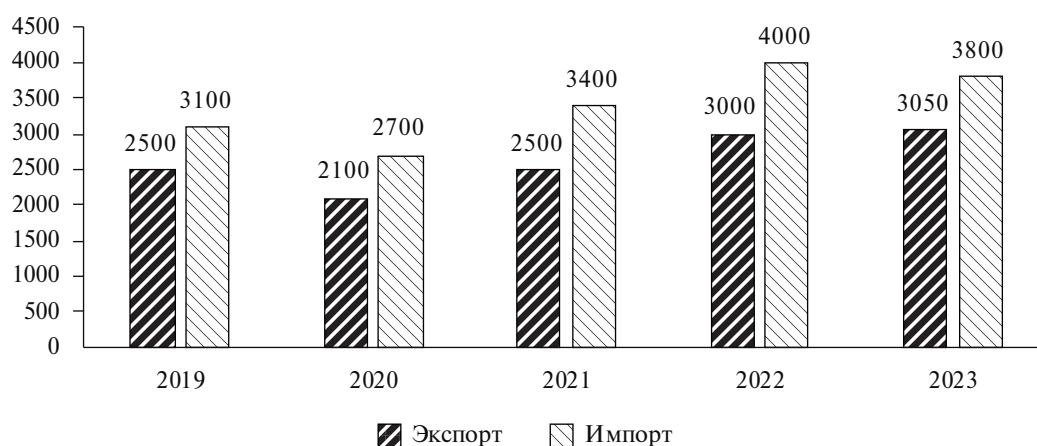

Рис. 3. Показатели международной торговли товарами и услугами США, 2019–2023 гг., млрд долл. США

Источник: [U.S. Bureau of Economic Analysis, 2024].

Китай был крупнейшим потребителем продукции полупроводниковой промышленности — в 2022 г. на его долю приходилось порядка 31,4% мирового показателя. На Китай также приходится около 15,3% импорта полупроводников, что превосходит даже

показатель импорта сырой нефти (13,5%). Около 36% экспорта США приходится на Китай (2022 г.) Под влиянием ИТЭС показатели Китая в области производства, экспорта и импорта полупроводников по итогам 2022 г. снизились до 11,6, 12 и 15,3%. Согласно данным за январь – август 2023 г., снижение данных показателей продолжилось и составило соответственно 1,4, 5,8 и 15,2% [Yu, 2023] (рис. 4).

Импорт США накопителей энергии большой емкости (литий-ионные батареи) в 2020–2022 гг. непрерывно увеличивался. Этот показатель возрос почти в 3 раза –

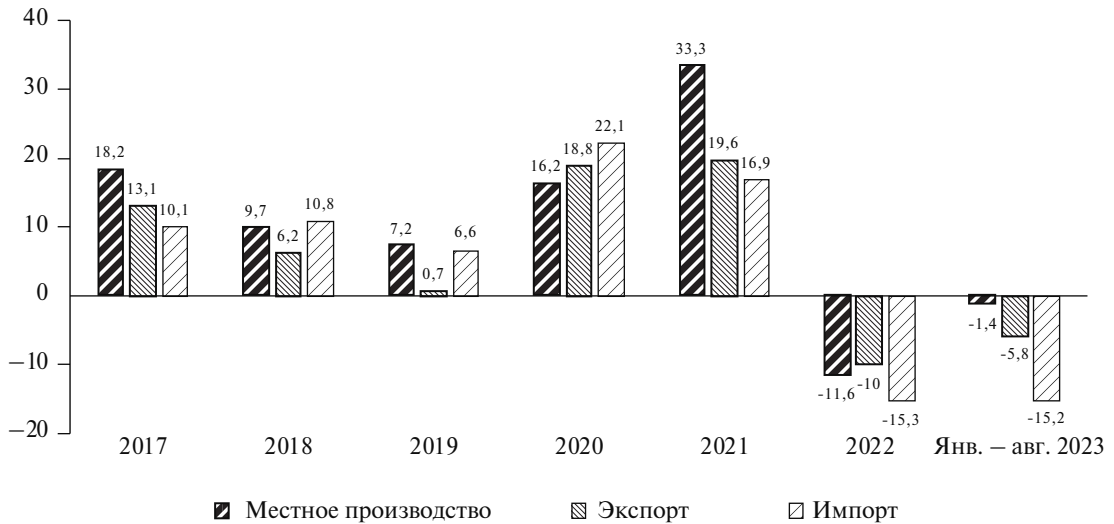

Рис. 4. Тренды в производстве и торговле полупроводниками в Китае, август 2017 – август 2023 гг., %

Источники: [General Administration of Customs RC, n.d.; Semiconductor Industry Association, 2023].

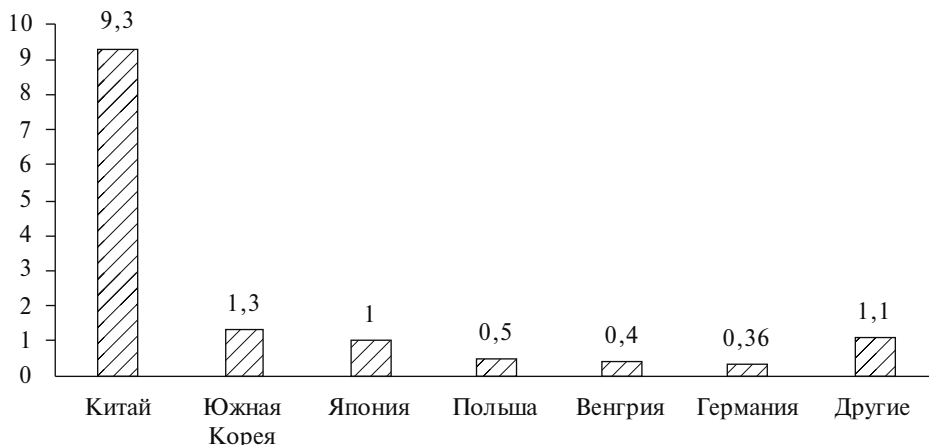

Рис. 5. Основные экспортеры накопителей энергии большой емкости в США, 2022 г., млрд долл. США

Источник: [UN Comtrade, 2024].

с 4,81 млрд долл. в 2020 г. до 13,9 млрд долл. в 2022-м. Позицию крупнейшего поставщика занимает Китай — стоимость китайского экспорта составила 9,3 млрд долл. Следующими по стоимости экспорта в США указанной продукции странами стали Южная Корея и Япония: 1,3 млрд долл. и 1 млрд долл. соответственно. ИТЭС позволяет США оказывать прямое воздействие на страны-партнеры, стимулируя их инвестировать в производство литий-ионных батарей на территории США, блокируя инвестиции со стороны Китая [Richter, 2023] (рис. 5).

Протекционизм в торговой политике Европейского союза

Предыстория

Как отмечалось ранее, МФК усилил антиглобалистские тенденции и привел к росту популярности идей, оппозиционных неолиберальной концепции свободной торговли. В этих условиях многие страны перешли к политике ограничения свободы торговли. На саммите лидеров стран «Группы двадцати», а также в ходе встреч министров финансов и глав центральных банков участники приняли решение о совместной борьбе с протекционизмом во всех его формах в интересах поддержания свободы торговли. Несмотря на открытое волеизъявление ведущих экономик мира, ВТО в своем анализе причин подъема протекционизма пришла к заключению о непосредственном влиянии усугубляющегося глобального экономического кризиса.

В прошлом ЕС подписывал соглашения с соседними странами в интересах построения региональных зон свободной торговли, а также с бывшими колониальными территориями, что в совокупности способствовало существенной переориентации торговых потоков. США и ряд других стран, напротив, использовали возможности конкурентной либерализации в процессе согласования условий амбициозных двусторонних торговых соглашений. В 2006 г. торговая политика ЕС переориентировалась на концепцию «глобальной Европы», согласно которой партнеры для формирования зон свободной торговли выбирались исходя из их рыночного потенциала, наличия барьеров для экспорта из ЕС, а также участия в торговых соглашениях с конкурентами ЕС. Позже ЕС принял новую стратегию торговой политики, которая с 2015 г. носит название «Торговля для всех» (“Trade for All”). Цель стратегии заключается в создании рабочих мест и обеспечении экономического роста без отказа от основных принципов свободной торговли [Gstöhl, 2016].

Торговая политика ЕС

Торговая политика «глобальной Европы» фокусируется на двусторонних соглашениях о свободной торговле и межблочных соглашениях, примерами которых являются соглашения с АСЕАН, МЕРКОСУР и Советом сотрудничества стран Персидского залива. На двустороннем уровне ЕС рассматривал в числе основных партнеров Индию, Японию, Россию и Южную Корею. Кроме того, ЕС участвовал в переговорах с Китаем. Для ЕС конкуренция с Китаем является своего рода проверкой способности Союза поддерживать экономический рост и занятость в условиях глобализации торговли. В 2010 г. ЕС подписал соглашение о свободной торговле с Южной Кореей, которое было ратифицировано Европарламентом. Соглашение с Южной Кореей стало первым соглашением ЕС с государством Восточной Азии, первым соглашением о свободной торговле нового типа, своего рода ориентиром для всех последующих договоренностей [de Prado, 2014].

МФК и кризис суверенного долга поставил под вопрос достижение целей стратегии «Европа 2020», сменившей Лиссабонскую стратегию. Стратегия ориентировалась на достижение «умного», устойчивого и инклюзивного роста. В этом контексте начиная с 2010 г. Стратегия для торговли, роста и международных отношений (TGWA) рассматривалась как логическое продолжение стратегии «глобальной Европы». В ней подчеркивается обоюдность принимаемых обязательств, особенно в отношении стран с развивающейся экономикой. Торговая и внешняя политики ЕС должны укреплять друг друга и поощрять своих партнеров к соблюдению прав человека, трудовых и экологических стандартов, их стремление к устойчивому развитию и привлечение инвестиций.

В рамках TGWA в число стран-партнеров были включены крупнейшие экономики мира, в частности США, Япония и Канада, а также отдельные члены АСЕАН – исключительность была обусловлена негативной оценкой результатов реализации подхода подписания торговых соглашений «блок на блок». В начале 2010-х годов протекционизм в международной торговле находился на подъеме, а состояние мировой экономики в целом оставляло желать лучшего. Ключевые экономики занимались созданием крупных торговых блоков – примерами могут служить Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП) и Транстихоокеанское партнерство (ТПП). ЕС не отставал от мировых трендов – США работали над заключением ТПП, а ЕС в это время начал переговоры с Китаем по вопросу о заключении двустороннего соглашения о свободе инвестиций. В интересах укрепления трансатлантического партнерства в 2013 г. ЕС вступил в переговоры по вопросу о заключении Трансатлантического соглашения о торговле и инвестициях (ТТИР). Каждое из этих соглашений представляет собой попытку стратегической адаптации к меняющимся условиям международной торговли [Gstöhl, 2016].

В 2015 г. на фоне растущих противоречий в ходе переговоров ТТИР из-за вопросов, связанных с механизмами урегулирования споров между инвесторами и государствами, в середине срока реализации стратегии «Европа 2020», ЕС представил стратегию «Торговля для всех». В рамках новой стратегии ЕС потребовал большей подотчетности, разрешения конфликтов между действующими регуляторными нормами и споров по вопросам инвестирования, а также принятия мер для снижения ожидаемых негативных эффектов от заключения соглашений о свободной торговле. В результате соглашение ТТИР действительно приобрело большую прозрачность, что стало неотъемлемым условием всех последующих соглашений. Стратегическая цель ЕС состояла в том, чтобы при помощи торговых соглашений добиться получения конкретных выгод для экономик стран – членов Союза и местного населения, выраженных в росте занятости и общем экономическом росте [European Commission, 2021].

Для того чтобы свободная торговля оставалась справедливой, ЕС применяет все доступные инструменты обеспечения исполнения принятых участвующими сторонами обязательств. Евросоюз потребовал упразднить торговые ограничения и отказаться от несправедливых практик для того, чтобы укрепить потенциал национальных компаний. Нередко ЕС обращался в Апелляционный орган ВТО для восстановления нарушенных прав. В 2017 г. ЕС направил 21 жалобу в ВТО, которые касались действий 10 торговых партнеров. Таким образом, ЕС стал вторым по количеству обращений участником ВТО после США. Кроме того, для сохранения конкурентоспособности европейских компаний ЕС применяет инструменты защиты торговли (TDI). ЕС все больше внимания уделяет защите от протекционистских мер США, усиленных правительствами Трампа и Байдена. В 2018 г. ЕС пересмотрел свои оценки в отношении Китая и обозначил его статус как системного конкурента [Titievskaia, 2019].

Для достижения максимальных выгод от заключаемых соглашений о свободной торговле ведется активная работа между Европейской комиссией, Европейским парламентом и странами – членами ЕС. К настоящему моменту порядка 40% европейского экспорта приходится на страны, подписавшие торговые соглашения с ЕС. Таким образом, грамотное управление возможностями соглашений о свободной торговле имеет исключительную важность для ЕС, заинтересованного в создании рабочих мест и экономическом росте [European Commission, 2021; Titievskaia, 2019] (табл. 3).

В 2020 г. Европейская комиссия начала публичные консультации по обновлению политики «Торговля для всех». Потребность в обновлении торговой политики ЕС обусловлена сложившейся ситуацией. К 2019 г. стало очевидно, что рост нетарифных барьеров со стороны Китая и США, разногласия, связанные с субсидиями и деятельностью государственных предприятий, жесткие торговые конфликты и дисфункция механизма разрешения споров ВТО препятствуют поддержанию международного режима открытой и свободной торговли. Кроме того, сбои в глобальных цепочках поставок, вызванные Брекзитом и пандемией COVID-19, сильно ослабили глобальную торговую систему. Поэтому ЕС было необходимо выработать меры по решению проблемы в рамках новой торговой политики. Новая торговая политика Европейской комиссии основывается на достижении стратегической автономии и поддержании самостоятельности в решении торговых вопросов с опорой на собственные интересы и ценности. Стратегическая открытость означает, что ЕС предпочитает действовать на многосторонней основе во взаимодействии со странами-единомышленниками по всему миру. Соответственно, Евросоюзу более не требуется выбирать между США и Китаем, а нужно найти третий путь сотрудничества с двумя соперничающими державами на равном удалении. ЕС пытается выстроить более справедливые и основанные на правилах

Таблица 3. Стратегия торговой политики ЕС начиная с 1990-х годов

Период	Стратегия торговой политики	Содержание политики
1990-е годы	Этап многосторонней торговли	Принятие глобальных правил и установление международных режимов
2000–2014 гг.	Двусторонние соглашения о свободной торговле для «глобальной Европы»	Лиссабонская стратегия и ее обновленная версия. Система международной торговли, опирающаяся на ВТО
2015–2020 гг.	«Торговля для всех». Торговая и внешняя политика дополняют друг друга на основе взаимности принимаемых обязательств. Открытая и честная торговля с опорой на центральную роль ВТО в разрешении споров	Стратегия «Европа 2020» + TGWA. Обеспечение защищенности от угроз, создаваемых протекционистской политикой США. Ответные действия для сдерживания роста Китая
После 2021 г.	Новая торговая политика. Введение NZIA и CRMA	Открытость к мировой торговле в противовес росту протекционизма. Устойчивое достижение климатических целей и защита прав человека. Постоянная борьба с несправедливыми торговыми практиками и защита собственных интересов

Источник: составлено автором.

экономические отношения с Китаем и добиться от него принятия более жестких обязательств в отношении регулирования торговли. В то же время ЕС решает проблему негативных побочных эффектов, вызванных китайской политикой государственного капитализма, и работает над восстановлением баланса в двусторонней торговле [European Commission, 2020a; 2020b; Blockmans, 2021].

Основным направлением новой торговой стратегии ЕС является сотрудничество с Китаем для организации устойчивых цепочек поставок и предоставления возможностей доступа на внешние рынки компаниям ЕС, которые могут создать новые рабочие места и внести вклад в восстановление экономики ЕС после пандемии. Такой подход может укрепить как трансатлантические отношения, так и отношения ЕС и Китая. ЕС также предстоит активизировать трансатлантическое партнерство в борьбе с киберпреступностью, в формировании цифровой нормативной среды и мониторинге чувствительных иностранных инвестиций, которые приобрели характер системных вызовов под влиянием Китая. Саммит ЕС – США в 2021 г. способствовал развитию новой повестки трансатлантического сотрудничества, но возникшие из-за действий США в период президентства Трампа и де-факто усиления протекционизма в годы администрации Байдена резкие противоречия в отношениях между партнерами все еще имеют место [Blockmans, 2021; European Commission, 2021] (табл. 3).

Действия ЕС в ответ на протекционистские меры США

Американский Закон о снижении инфляции (IRA) рассматривается как поворотный пункт в экономической и климатической политике, который вызвал в ЕС дискуссии о будущем трансатлантических отношений и конкурентоспособности ЕС. На самом деле IRA – это крупнейшая инвестиция США в чистую энергию, стоимость которой к 2032 г., как ожидается, достигнет 370 млрд долл. США. Согласно положениям IRA, правительство США предоставляет компаниям-участникам различные стимулы и ограниченные штрафные санкции. Этот Закон предусматривает для национальных и международных компаний довольно много «пряников» и относительно мало «кнутов». Однако при таких обстоятельствах ЕС уже находится в невыгодном положении из-за слабости евро по отношению к доллару США, высоких цен на энергоносители, негармонизированных фондов ЕС, сложного регулирования и т.д. Поэтому весьма вероятно, что IRA может спровоцировать дальнейшее перемещение бизнеса компаний из ЕС в США в ключевых и стратегических отраслях [Brunswick Geopolitical, 2023].

Ожидается, что IRA принесет большой объем внутренних и зарубежных инвестиций в зеленые отрасли США, которые будут осуществляться не только производителями электромобилей, но и другими компаниями, работающими в сфере зеленых технологий. Пока неясно, будет ли это оформлено как новая версия протекционизма в правительстве Байдена, потому что зеленый переход в целом рассматривается не как игра с нулевой суммой, а как выгодное для всех предприятие. Поэтому и возможные контрмеры ЕС также не до конца определены. Европейская комиссия представила свои неофициальные контрмеры против IRA в феврале 2023 г., которые вошли в так называемый Промышленный план «Зеленой сделки» (GDIP). План включает четыре основы: снижение бюрократических издержек, кадровое развитие, торговлю и фондирование [Holzhausen, 2023].

Три основных направления – дебюрократизация, кадровое развитие и торговля – являются обычными инициативами в этих областях, но есть и новые политические меры, которые включают создание системы единого окна для получения разрешений с минимальным периодом согласования и регулятивные «песочницы» для стартапов.

Кроме того, в программу включены меры поддержки талантов и развития навыков в области зеленых технологий, что также является частью пакета мер, принимаемых в рамках IRA. Что касается торговли, то, несмотря на протекционистские меры, принятые в рамках IRA, упоминания о торговле с США нет. Последнее, но не менее важное, – это различные виды финансирования. К ним относятся уже утвержденные 250 млрд евро из Фонда восстановления и устойчивости (RRF) для зеленого перехода и 270 млрд евро, выделяемые в рамках Плана REPowerEU, которые в сумме составляют более 520 млрд евро и значительно превышают фонд IRA. В ответ на действия США в рамках реализации IRA ЕС может также использовать свой годовой бюджет через фонды сплочения и различные другие программы, такие как Horizon Europe, Invest EU, Innovation Fund и т.д., несмотря на их более широкую сферу применения, чем непосредственно «Зеленый переход» [Holzhausen, 2023] (табл. 4).

Таблица 4. Сопоставление американского Закона IRA и европейского GDIP

	IRA (США)	GDIP (ЕС)
Инвестиции	370 млрд долл. США	250 млрд евро (RRF) 270 млрд евро (REPowerEU) Годовой бюджет (Фонды сплочения) Разнообразные программы и фонды (Horizon Europe, Invest EU, the Innovation Fund)
Всего	370 млрд долл. США	520 млрд евро + средства фондов и бюджета ЕС

Источник: составлено автором.

GDIP следует рассматривать как прагматичный ответ Европейской комиссии на протекционистские меры IRA и попытку консолидации позиций стран-членов против угрозы американского торгового протекционизма. Такой подход может помочь ЕС выиграть время. Однако он не является правильным выбором в контексте реализации долгосрочной стратегии зеленого развития, борьбы с климатическим кризисом и адаптации к новой геополитической реальности, сформировавшейся после начала украинского конфликта. Цель GDIP – перевод производственной экосистемы ЕС на модель углеродного нуля в интересах привлечения инвестиций и обеспечения лидерства в промышленном производстве в будущем. Для реализации этих приоритетов Европейская комиссия представила Закон о промышленности с нулевым энергопотреблением (NZIA) в феврале 2023 г. и Закон о критических сырьевых материалах (CRMA) в марте 2023 г., которые направлены на улучшение инвестиционного климата, снижение административных издержек, облегчение доступа к рынкам и обеспечение стабильности поставок критически важных сырьевых материалов [Brunswick Geopolitical, 2023; Holzhausen, 2023; European Commission, 2023a; 2023c].

Принятие надлежащих контрмер в связи с принятием в США Закона CSA, государственные инвестиции в рамках которого составляют порядка 53 млрд долл. США, также является вызовом для ЕС. Полупроводниковые микросхемы считаются стратегическими активами для ключевых промышленных цепочек создания стоимости, особенно в высокоавтоматизированных транспортных средствах, облачных технологиях, Интернете вещей (IoT), средствах связи, космической промышленности, оборонной отрасли, суперкомпьютерах и т.д. В 2020 г. в мире был произведен 1 трлн микрочипов, а доля рынка микрочипов ЕС составит около 10% от мирового. Европейская комис-

сия подчеркнула, что к 2030 г. европейская промышленность ожидает двукратный рост спроса на микрочипы по сравнению с 2022-м. Это отражает растущую важность полупроводников для промышленности и общества. ЕС будет очень сложно удовлетворить растущий спрос из-за разрывов в цепочках поставок полупроводников, возникших в период пандемии. Кроме того, ЕС зависит от импорта полупроводников из стран Восточной Азии, в частности Южной Кореи и Тайваня [European Commission, n.d.].

В целях укрепления мощностей по производству полупроводников в ЕС Европейская комиссия в феврале 2022 г. после публикации отчета European Chips Survey Report представила Европейскому парламенту и Европейскому совету предложение о Европейском законе о чипах (European Chips Act, ECA). Цель ЕС – к 2030 г. производить вдвое больше полупроводниковой продукции, чем в 2022 г. Это позволит удовлетворить внутренний спрос. Для реализации поставленной задачи ЕС привлечет более 43 млрд евро частных и государственных инвестиций. Кроме того, совместно с государствами-членами и международными партнерами Евросоюз разработает меры по подготовке и реагированию на любые будущие сбои в цепочках поставок [European Commission, n.d.].

Анализ американской и европейской протекционистской торговой политики и их влияния на экономики Восточной Азии

Американская протекционистская политика и ее воздействие на экономики Восточной Азии

Американская торговая политика перестроилась на протекционистскую модель в период администрации Трампа, что привело к возникновению жестких противоречий по торговым вопросам с основными зарубежными партнерами, в особенности с Китаем, а также с Евросоюзом, Японией, Канадой, Южной Кореей и др. Этот тренд сохранился и в период администрации Байдена и расширился на сферу высокотехнологичной продукции: полупроводников, накопителей энергии большой емкости, критически важных материалов и товаров, фармацевтической продукции, в особенности базовых ингредиентов, необходимых для локализации производства [Park, 2021; Pederson, 2021; Steinberg, Tan, 2022].

Эти отрасли должны быть обеспечены внутренними цепочками поставок и добавленной стоимости с опорой на основных союзников в Индо-Тихоокеанском регионе – Японию и Южную Корею. Перечисленные отрасли считаются стратегически важными для национальной безопасности США. Правительство США настоятельно рекомендовало своим союзникам, производящим полупроводники и аккумуляторы большой емкости, строить новые производственные мощности и расширять уже существующие на территории США в соответствии с реорганизацией глобальных цепочек поставок и глобальных цепочек создания стоимости. США одновременно проводят политику рещоринга для возрождения собственной обрабатывающей промышленности. Для этого в 2021 г. правительство США приняло Закон о чипах и науке и Закон о снижении инфляции, которые были утверждены Конгрессом США в 2022 г. Эти нормативно-правовые акты являются основными инструментами для реализации ИТЭС в соответствии с Индо-Тихоокеанской стратегией. ИТЭС отличается от обычных соглашений о свободной торговле, поскольку подразумевает в первую очередь не расширение доступа на американский рынок для стран-подписантов, а наращивание экономического сотрудничества и объединение экономического и технологического потенциалов для пере-

стройки глобальных цепочек поставок и создания стоимости в противовес растущему влиянию Китая [Wolf, 2020; The White House, 2022a; 2022b; Pederson, 2021].

Правительство США ожидает, что Закон о чипах и науке будет способствовать притоку «умных» инвестиций от внутренних и международных инвесторов на американский рынок. После одобрения Закона в 2022 г. американские компании, такие как Micron, Qualcomm и Global Foundries, заявили о намерении инвестировать в производство полупроводников на территории США не менее 40 млрд долл. США и 4,2 млрд долл. США соответственно. Micron собирается обеспечить не менее 40 тыс. новых рабочих мест; другие представители отрасли собираются довести долю производимой в США продукции до 50% в течение последующих пяти лет. Администрация Байдена добилась привлечения иностранных инвестиций на сумму более 100 млрд долл. США, преимущественно из Южной Кореи, Японии и Тайваня с момента начала его президентского срока. К концу 2022 г. частные инвесторы из 20 стран мира уже заявили о готовности инвестировать порядка 210 млрд долл. США в производство указанной продукции на территории США. Американское руководство ожидает, что Закон CSA поможет нарастить расходы на НИОКР и будет способствовать обеспечению технологического лидерства страны в производстве компонентов, без которых невозможно производство широкой линейки продуктов – от автомобилей и бытовых приборов и до техники военного назначения [The White House, 2022a; Casanova, 2022].

Закон о чипах и науке позволил обеспечить приток финансирования в НИОКР (порядка 52,7 млрд долл. США), а также развитие производства на территории США. Из этой суммы 39 млрд долл. США будут направлены на поддержку американских компаний и производителей из стран-партнеров, а также 2 млрд долл. США – на поддержание полупроводниковых систем прошлых поколений, используемых в военных целях. Кроме того, 13,2 млрд долл. США планируется направить на научно-исследовательскую деятельность и кадровое развитие, а 500 млн долл. выделить на обеспечение безопасности информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цепочек поставок полупроводников. CSA также способствует развитию американских инноваций в области беспроводных коммуникационных сетей, предполагая выделение дополнительных инвестиций в размере 1,5 млрд долл. США в создание открытых и взаимосовместимых сетей радиодоступа. Кроме того, планируется предоставить 25%-ю налоговую льготу на капитальные затраты в производство полупроводников и сопутствующего оборудования американскими и зарубежными компаниям, инвестирующим в американский рынок. По оценкам правительства Байдена, эти инвестиции помогут обеспечить безопасность американских цепочек поставок и создать десятки тысяч рабочих мест в строительстве и высококвалифицированном производстве [The White House, 2022a; Kannan, Feldgoise, 2022] (табл. 5).

Тем не менее CSA трудно воспринимать как благотворительный обед для всех заинтересованных. CSA опирается на строгий свод правил и требует от всех получателей помощи значительных инвестиций в рабочую силу, а также создания возможностей для малого бизнеса и развития прежде неблагополучных сообществ. Кроме того, стимулы для производителей полупроводников должны поддерживать справедливый экономический рост и развитие. В то же время CSA предусматривает систему сдержек, не позволяющих получателям льгот строить предприятия в Китае и других проблемных странах, а также осуществлять обратный выкуп акций или выплачивать дивиденды акционерам. И последнее, но не менее важное, – это поддержка профсоюзных организаций в строительной отрасли, в частности через требование поддерживать преобладающие ставки оплаты труда в соответствии со стандартом Дэвиса – Бэкона на объектах, построенных на средства, выделенные в рамках программы государственной поддержки. Эти меры

являются протекционистскими по своей природе. Они подразумевают введение нетарифных барьеров на экспорт технологий в Китай, а также ряд рыночных ограничений для компаний из Южной Кореи, Японии и Тайваня [The White House, 2022a].

Таблица 5. Инвестиции, предусмотренные Законом о чипах и науке (CSA), а также ожидаемые частные инвестиции

Фонды / типы инвестиций	Программа	Объем инвестиций
Фонд CSA	Стимулирование производства	39 млрд долл. США
	НИОКР	11 млрд долл. США
	Развитие рабочей силы	2,2 млрд долл. США
	Безопасность ИКТ	500 млн долл. США
	Всего	52,7 млрд долл. США
Общественный фонд развития поставок технологий беспроводной связи	Открытые и интероперабельные сети радиодоступа	1,5 млрд долл. США
Корпоративные инвестиции	Micron (США)	40 млрд долл. США
	Qualcomm & Global Foundries (США)	4,2 млрд долл. США
	Samsung Electronics (Южная Корея)	17 млрд долл. США
	SK Siltron CSS (Южная Корея)	300 млн долл. США
	Kanto/Chemtrade JV (Япония)	250 млн долл. США
	TSMC (Тайвань)	40 млрд долл. США

Источник: составлено автором на основе [White House, 2022a; Casanova, 2022; Kannan, Feldgoise, 2022].

Учитывая жесткие ограничения, все получатели средств, в соответствии с Законом о чипах и науке, не могут экспортировать в Китай полупроводники и 14 наименований продукции на основе нанотехнологий, а также не могут устанавливать в Китае новейшее оборудование для производства полупроводников в течение последующих десяти лет. Кроме того, от них требуется предоставить информацию об ожидаемой доходности, соотношении запасов и т.д., – иными словами, все то, что в обычных условиях считается коммерческой тайной. В результате Китай может столкнуться с трудностями в приобретении полупроводниковой продукции высокого уровня для высокотехнологичных отраслей промышленности, что, скорее всего, приведет к ослаблению его глобальной конкурентоспособности в долгосрочной перспективе. В то же время южнокорейские производители полупроводников должны получать ограниченные по времени специальные разрешения на регулярное обновление оборудования на своих заводах в Китае, а американским и японским производителям основного оборудования запрещено экспортировать высокотехнологичную продукцию в Китай [Fitri, 2022].

Санкции в случае нарушения Закона о чипах и науке распространяются как на получателей государственной поддержки, так и на тех, кто не получает прямое государственное финансирование. Таким образом, CSA рассматривается как де-факто протекционистская мера по отношению к Китаю во имя экономической безопасности, направленная на перестройку цепочек поставок внутри США и среди их партнеров. Реальные экономические последствия CSA для Южной Кореи, Японии и Тайваня еще

не проявились. Несомненно, он обернется для них большими экономическими потерями, поскольку Китай – крупнейший рынок полупроводниковой продукции в мире, и американский рынок не может полноценно заменить китайский. Экономический ущерб Южной Кореи заметен из-за высокой доли полупроводниковой промышленности в национальной экономике, которая в 2022 г. составила около 20%, и доли этого типа продукции в структуре экспорта в Китай – 41% от общего объема полупроводниковой продукции в том же году. По прогнозам Корейского института развития (KDI), темпы экономического роста Южной Кореи снизятся на 0,78%, если южнокорейский экспорт полупроводниковой продукции сократится на 10%. В результате в 2023 г. ВВП Южной Кореи вырастет всего на 1,4%, что является одним из самых низких показателей экономического роста за весь период начиная с 1962 г. [The White House, 2022a; Fitri, 2022; KDI, 2023; KITA, 2023; ВОК, 2024] (рис. 6).

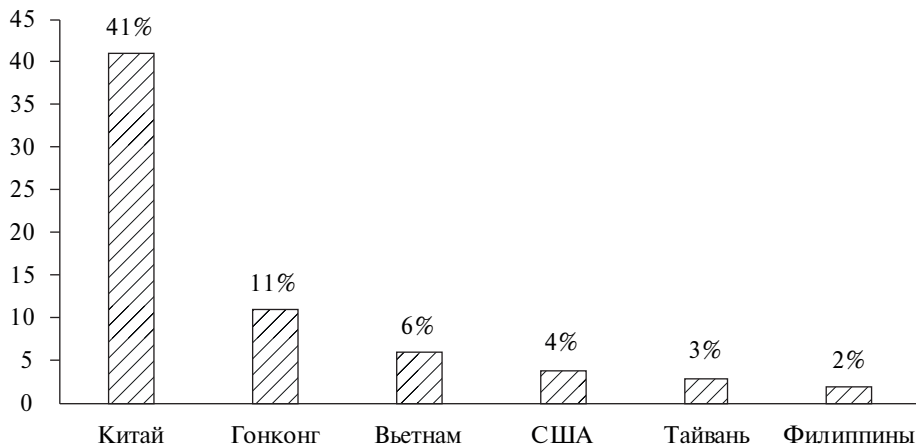

Рис. 6. Страновая структура экспорта полупроводников из Южной Кореи, 2022 г., %

Источник: [KITA, 2023].

Несмотря на то что правительству США удается поддерживать производство полупроводниковой продукции для внутреннего спроса, не все выявленные проблемы решены полностью. Себестоимость полупроводниковой продукции, произведенной в США, может быть на 50% выше, чем в Китае, и примерно на 30% выше, чем в Южной Корее и Тайване. Если американские компании будут использовать полупроводниковые продукты, произведенные только в США, для производства конечных товаров, общая стоимость производства возрастет, а возросшие издержки лягут на плечи американских потребителей, что в конечном итоге приведет к росту инфляции. В результате цена нового смартфона Apple с полупроводниковыми компонентами, произведенными в США, увеличится примерно на 100 долл. США с 527 долл. США (модель iPhone 14 Plus), что на 19% выше стоимости предыдущего продукта [Mullaney, 2023].

Закон о снижении инфляции представляет собой еще один столп американского протекционизма. Он был подписан в августе 2022 г. и предусматривает инвестиции в объеме 391 млрд долл. США в виде налоговых льгот и субсидий для компаний, работающих в области энергетики и климатических технологий. Закон направлен на то, чтобы вывести экономику США в лидеры в области экологически чистой энергии. Он

предусматривает значительную поддержку, в том числе программу стоимостью 15 млрд долл., направленную на развитие производства электромобилей и зарядной инфраструктуры в США, а также субсидирование налоговых кредитов в размере 7500 долл. и 400 долл. для потребителей при покупке новых и подержанных электромобилей соответственно с учетом уровня доходов и розничных цен. Кроме того, программа предусматривает восстановление устаревшей инфраструктуры и оживление упадочных регионов, в основном в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности [Monier, 2023].

Реакция на Закон о снижении инфляции не была однозначной. Позитивная точка зрения заключается в том, что Закон будет способствовать глобальному сокращению выбросов парниковых газов и стимулировать использование чистых энергоресурсов за счет снижения стоимости технологий и установок. С другой стороны, предлагаемые меры могут привести к росту инфляции за счет повышения цен на энергоносители. Американские субсидии могут спровоцировать жесткую конкуренцию между странами-участницами, в основном ЕС, Южной Кореей и Японией. Другим следствием может стать усиление американского протекционизма США, исключающего китайские инвестиции в производственные мощности и инфраструктуру. Кроме того, Закон обязывает закупать минеральное сырье для аккумуляторов только в США или в странах-партнерах, с которыми США имеют соглашения о свободной торговле, так что электромобили, произведенные в Китае и России, не будут допущены к ввозу на американский рынок [Sahay, 2022; Spencer, 2022; Monier, 2023].

Согласно предварительным подсчетам, фискальное воздействие Закона о снижении инфляции будет положительным на горизонте до 2031 г. Ежегодное сокращение дефицита с учетом процентов может вырасти почти до 70 млрд долл. США к 2031 г., а совокупное сокращение дефицита составит более 325 млрд долл. США в период с 2022 по 2031 г. Более того, по прогнозам МПТ, Закон может обеспечить создание около 912 тыс. новых рабочих мест в год в течение 10 лет за счет ежегодных частных и государственных инвестиций в размере 98 млрд долл. США [Lala, Chakraborty, 2022; Sahay, 2022] (рис. 7).

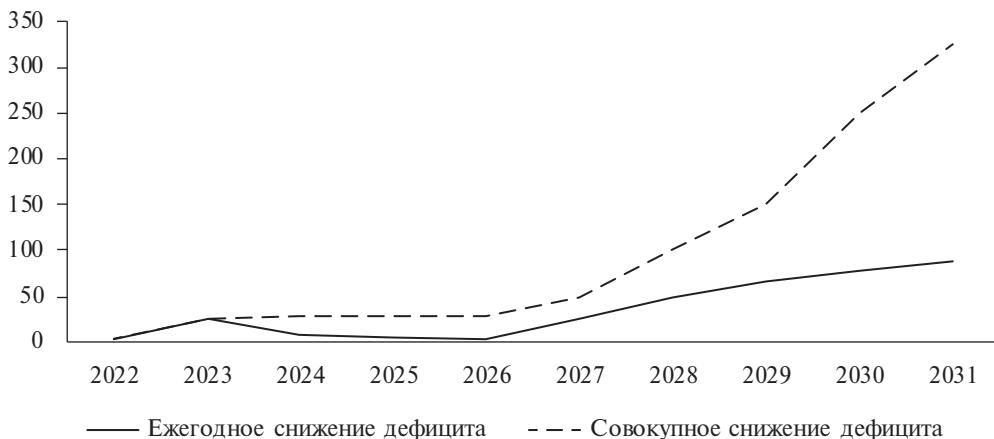

Рис. 7. Фискальное воздействие Закона о снижении инфляции, 2022–2031 гг., млрд долл. США

Источники: [Congressional Budget Office (CBO), Committee for a Reasonable Budget (CRB), 2022].

Правительство Байдена считает, что Закон о снижении инфляции может негативно повлиять на Китай, а также сдерживать его стремительную экспансию в Индо-Тихоокеанском регионе, лишив его прямого доступа на рынок США в области электромобилей, емкостных батарей и чистой энергии. IRA позволяет проверять китайские электромобили, литиевые аккумуляторы и солнечные батареи и контролировать их импорт. Тем не менее IRA не обеспечивает строгий контроль за солнечной фотовольтаической (PV) продукцией из-за высокой зависимости цепочки создания стоимости от производимых солнечных элементов, которая составляет в среднем 87,5%. Поэтому китайские производители фотоэлектрических элементов решили инвестировать 600 млрд долл. США в строительство заводов в Огайо, Техасе и т.д., чтобы расширить свою долю на рынке, получая при этом субсидии в рамках IRA. IRA не исключает китайские компании из числа производителей фотоэлектрической продукции, как это происходит с емкостными батареями. В итоге экспорт китайских электромобилей, батарей и фотоэлектрических элементов в США вырос на 88,1% в первом квартале 2023 г. [General Administration of Customs PRC, n.d.; Yuen, 2024] (рис. 8).

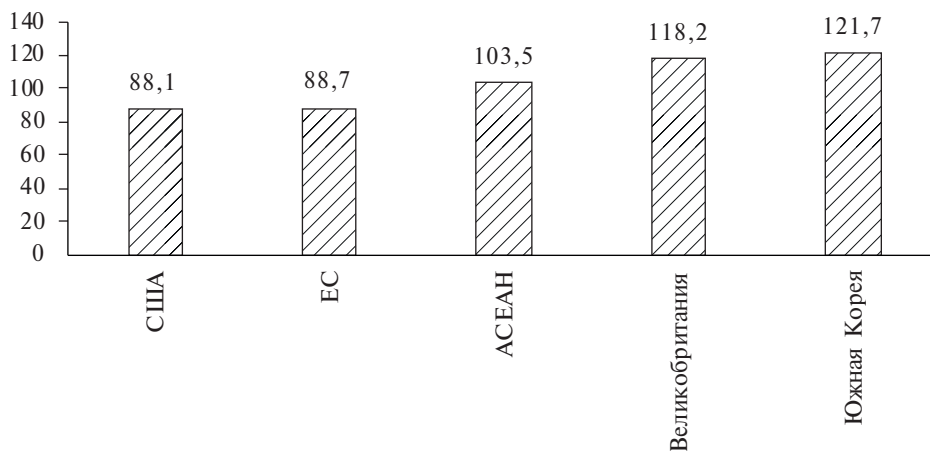

Рис. 8. Коэффициент увеличения экспорта китайских электромобилей, аккумуляторов и солнечных батарей на основных рынках Китая, 2023 г. (первый квартал), %

Источник: [General Administration of Customs PRC, n.d.].

Южнокорейские компании, работающие в области чистых источников энергии, и автопроизводители с производственными мощностями в США могут получить экономические выгоды благодаря Закону о снижении инфляции. Южнокорейские компании, производящие солнечные батареи в США, а также компании, производящие электрогенераторы и системы накопления энергии, могут повысить конкурентоспособность благодаря налоговым льготам, предусмотренным этим законом. С другой стороны, компании, производящие аккумуляторы в США, должны снизить свою высокую зависимость от Китая в поставках критически важных материалов и компонентов. Из-за высокой зависимости от Китая южнокорейские и японские производители электромобилей, например Hyundai, Kia, Toyota и т.д., не смогли получить налоговые льготы, тогда как немецкий автопроизводитель Volkswagen преуспел в получении субсидий. Чтобы претендовать на налоговые льготы, электромобили должны собираться в США, а также использовать 40% сырья для батарей и 50% компонентов из США или стран – партнеров США, согласно соглашениям о свободной торговле.

Эти показатели будут постепенно увеличиваться до 80 и 100% соответственно к 2029 г. В итоге уже в 2023 г. ни один электромобиль, произведенный в Южной Корее, не будет удовлетворять условиям IRA [Kim, 2022] (рис. 9, 10).

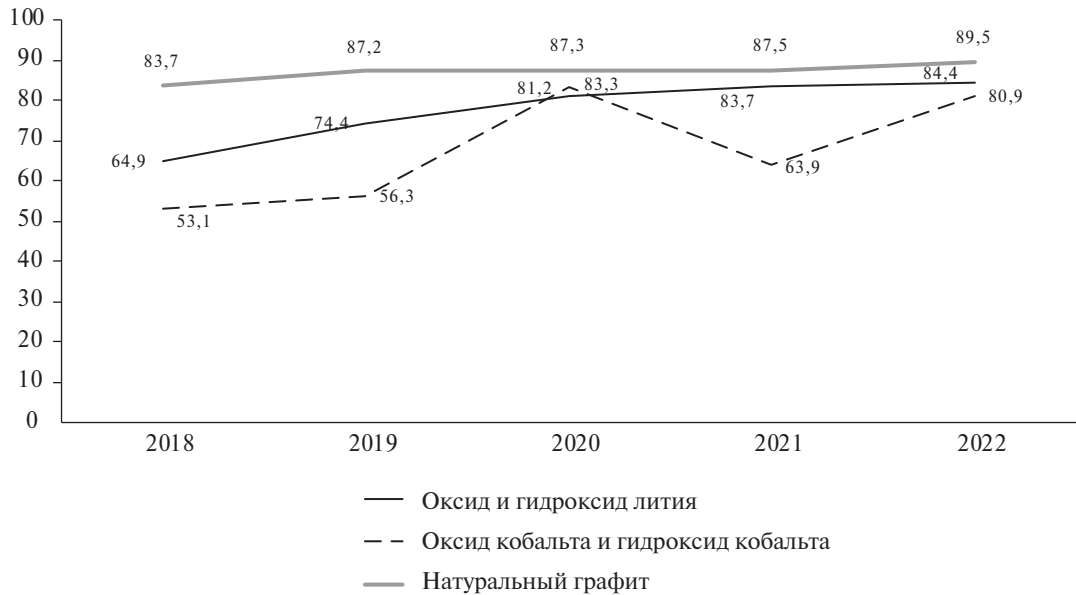

Рис. 9. Доля зависимости южнокорейских производителей аккумуляторов от поставок сырья из Китая, 2018–2022 гг., %

Источник: [КИТА, 2023].

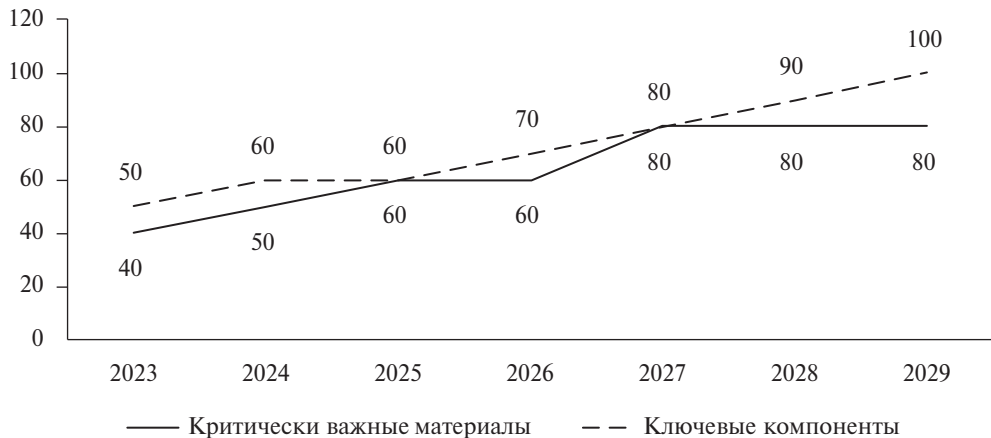

Рис. 10. Требуемая доля сырья и компонентов американского происхождения для получения субсидий на производство «чистых» транспортных средств, 2023–2029 гг., %

Источник: [US Congressional Research Service, 2022].

Фактически у южнокорейской аккумуляторной и автомобильной промышленности нет иного выбора, кроме как продолжать инвестировать в производственные

мощности в США, чтобы получить экономические выгоды от IRA. Более того, перед южнокорейскими производителями стоит серьезная задача локализовать и диверсифицировать поставки ключевых материалов и компонентов, чтобы снизить высокую зависимость от Китая. Эти задачи стоят и перед японской промышленностью. Нестабильность глобального инвестиционного климата, связанная с ростом риска фрагментации торгового пространства, также является препятствием для наращивания инвестиций. Южная Корея и Япония имеют общие производственные связи с США и Китаем. Поэтому усиление торговых барьеров между США и Китаем может оказать негативное влияние на их экспорт в указанные страны [Kim, 2022; Но, 2023].

Реакция Китая на принимаемые меры носит неоднозначный характер. IRA рассматривается как де-факто протекционистская мера, направленная на предотвращение дальнейшего укрепления китайских производителей в отрасли производства емкостных батарей и электромобилей на американском рынке. Чтобы преодолеть торговые барьеры, Китай выбрал стратегию de-tour, создав производственные мощности в Мексике и Южной Корее. Таким образом, китайские автомобильные компании, такие как BYD и Volvo Cars, принадлежащие китайской Geely Auto, смогут избежать тарифов в 27,5% на американском рынке и получить доступ к субсидиям IRA, поскольку Мексика и Южная Корея являются партнерами США по ЗСТ. Китайский производитель BYD может использовать Мексику как трамплин для выхода на рынки стран Южной Америки, а Volvo Cars сможет в итоге экспортировать свои электромобили на американский рынок.

Вероятная траектория развития протекционистской политики ЕС и ее воздействие на экономики Восточной Азии

ЕС по-прежнему придерживается в торговой политике принципа поддержки открытости и многосторонности в соответствии с традициями ВТО. Поэтому официально ЕС не поддерживает протекционистские меры. Однако в то же время Евросоюз обязан должным образом реагировать на действия США, в частности на законы CSA и IRA. Для этого Еврокомиссия представила план стимулирования зеленой промышленности, а также было разработано несколько законов: Закон о нулевых выбросах в промышленности (NZIA), Закон о критически важных редкоземельных металлах (CRMA) и Закон о чипах (ECA), которые еще не вступили в силу. С 1 октября 2023 г. вводится в действие европейский Механизм трансграничного углеродного регулирования (CBAM). В отличие от американских законов, протекционистские меры ЕС не исключают Китай из числа потенциальных партнеров, в то же время обеспечивая надлежащий уровень безопасности собственных цепочек поставок. Иностранные компании не будут обязаны непременно инвестировать в ЕС и могут руководствоваться собственными оценками перспективности европейского рынка. ЕС ожидает, что к 2050 г. мировое производство электромобилей увеличится в 15 раз, а возобновляемых источников энергии и тепловых насосов — почти в 4 раза и более чем в 6 раз за тот же период соответственно. Также ожидается, что производство водорода к 2050 г. составит порядка 450 млн тонн. Для достижения данных показателей к 2030 г. необходимо инвестировать в производство не менее 1,2 трлн долл. США. При этом доля Китая в производстве составит 90%. Именно поэтому ЕС не может исключить Китай из числа крупнейших рынков сбыта продукции, связанной с чистой энергией [European Commission, 2023a; 2023b].

Законы NZIA и CRMA позволяют привлечь иностранные инвестиции в чистую энергетику и автомобильную промышленность при наличии высоких стандартов производства в отношении жизненного цикла литиевых батарей, переработки и т.д., для

достижения цели климатической нейтральности ЕС к 2050 г. Так, страны Восточной Азии, преимущественно Китай и Южная Корея, инвестировали в производство емкостных батарей для электромобилей в Германии, Венгрии и Польше. Агрессивные китайские инвестиции в ЕС в связи с закрытостью для Китая американского рынка весьма заметны, в частности доля китайских компаний на европейском рынке аккумуляторов для электромобилей увеличилась с 15,9% в 2021 г. до 34% в 2022 г., а доля Южной Кореи за тот же период снизилась с 68,2 до 63,5%. В 2020 г. доля китайских компаний составляла всего 4,2%. Более чем восьмикратное увеличение рыночной доли китайских производителей в период с 2020 по 2022 г. произошло в основном за счет предоставления государственной поддержки. Благодаря сильной поддержке китайского правительства, в 2022 г. китайская CATL инвестировала в строительство завода мощностью 100 ГВт·ч в Венгрии, стоимость которого составит около 20–25 млрд долл. США [КИТА, 2023; Kim, 2023] (рис. 11).

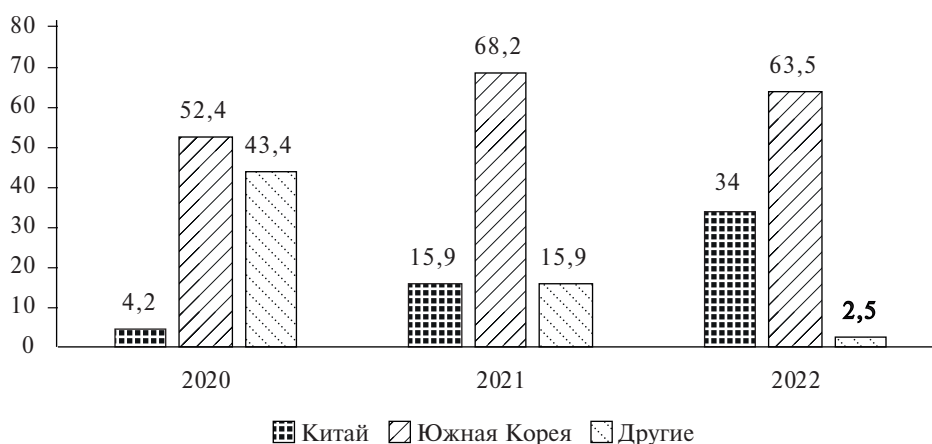

Рис. 11. Доля китайских и южнокорейских производителей аккумуляторов на рынке ЕС, 2020–2022 гг., %

Источник: [КИТА, 2023].

Закон о чипах повлиял на иностранные капиталовложения в европейскую полупроводниковую промышленность. ЕС планирует увеличить свои производственные мощности с менее чем 10% в 2021 г. до 20% к 2030 г. Закон ЕСА предусматривает выделение 43 млрд евро в виде государственных дотаций до 2030 г. Европейская комиссия ожидает, что долгосрочные частные инвестиции превысят эту сумму. Закон предназначен для восстановления перебоев в поставках полупроводниковых чипов, укрепления производственной базы и инновационного развития в рамках европейских цепочек создания стоимости в полупроводниковой промышленности.

США и Тайвань уже объявили о намерении инвестировать в ЕС. Инвестиционный план Intel может обеспечить достижение эффекта синергии между полупроводниковой промышленностью Европы и США и тем самым сохранить высокий потенциал для дальнейшего инвестиционного сотрудничества. Intel планирует инвестировать 80 млрд евро в ЕС в течение этого десятилетия. Тайваньская компания Taiwan Semiconductor Manufacturing Company (TSMC) планирует инвестировать в ЕС до 44 млрд долл. США. TSMC объявила о своих планах создания первого европейского завода для производства полупроводников и расширения исследовательских центров в области полупро-

водников, если условия предоставления субсидий от ЕС будут конкурентоспособными по сравнению с субсидиями, предлагаемыми США и Японией. В отличие от Тайваня, Южная Корея сосредоточилась на стратегических инвестициях в США и Японию, в то время как Япония намерена восстановить собственную полупроводниковую промышленность, объединив иностранные инвестиции Intel, Samsung и TSMC [Ciani, Nardo, 2022] (рис. 12).

Кроме того, ЕС запустил в работу Механизм трансграничного углеродного регулирования (СВАМ). Согласно условиям действия СВАМ, все экспортеры должны предоставить информацию о своих выбросах CO₂ до конца 2025 г. и уплатить штраф, если их выбросы CO₂ существенно не сократятся после января 2026 г. Большинство экспортеров из развивающихся стран, включая Китай, Индию и Россию, столкнутся с трудностями в процессе сокращения выбросов CO₂. Этот вопрос все еще остается деликатным, поскольку вопрос о совместимости СВАМ с ВТО пока не решен. СВАМ может рассматриваться как форма зеленого протекционизма, особенно в отношении стран Восточной Азии, в частности Китая, Японии и Южной Кореи, что может помешать их дальнейшей экономической интеграции с ЕС [M'hamed, 2022].

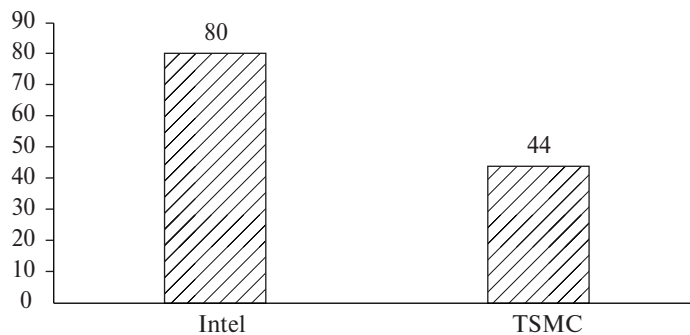

Рис. 12. Иностранные инвестиции в полупроводниковую промышленность ЕС, 2022 г., млрд долл. США

Источник: [ESPAS, 2022].

Заключение

Многие эксперты до сих пор спорят о том, является ли текущая международная ситуация формой нового мирового порядка или очередным этапом холодной войны. Многие допускают, что события после января 2020 г. — пандемия COVID-19 и начало конфликта на Украине — это своего рода «новая нормальность». Торговый конфликт между США и Китаем набирает обороты и в годы администрации Байдена расширился на сферу высоких технологий, что в итоге привело к усилению протекционизма в мировой торговле. В этих условиях возникли новые вызовы экономической безопасности США, связанные с текущей конфигурацией глобальных цепочек поставок и цепочек создания стоимости, а также сохранением лидирующей позиции США в ключевых областях. Чтобы укрепить свое экономическое и политическое лидерство, правительство Байдена усилило протекционизм в торговле путем принятия Закона о чипах и науке и Закона о снижении инфляции. Эти законы направлены на реорганизацию глобальных цепочек поставок и цепочек создания стоимости, особенно в стратегических высокотехнологичных областях, а также на восстановление собственной обрабатывающей

промышленности, обеспечивающей новые рабочие места и экономический рост. Кроме того, они могут сыграть свою роль в сдерживании растущей экономической мощи Китая в мире в целом и в Индо-Тихоокеанском регионе в частности. Параллельно ЕС также принимает протекционистские меры, примерами чего являются Законы NZIA, ECA, CRMA и механизм СВAM, которые рассматриваются как формы зеленого протекционизма в отношении внешних торговых партнеров.

В Индо-Тихоокеанском регионе США, по-видимому, стремятся создать более благоприятную почву для построения прочных партнерств в сфере производства полупроводников со своими традиционными военными союзникам, предоставляя широкие налоговые льготы и субсидии и создавая благоприятный климат для иностранных инвестиций, особенно из Южной Кореи и Японии. Тем самым США блокируют китайские инвестиции в сектора, имеющие критическое значение для обеспечения национальной безопасности. Даже в отраслях, связанных с чистой энергией, поддерживаемых в соответствии с Законом о снижении инфляции, ключевыми партнерами США являются страны Восточной Азии, в частности Южная Корея и Япония, а также ЕС. Китайские производители сталкиваются в США со множеством ограничений и пытаются обойти эти барьеры, локализуя производство в Мексике и Южной Корее.

В отличие от США, ЕС старается придерживаться принципов ВТО. Новая торговая политика ЕС не отрывает Китай от его цепочек поставок и создания стоимости. Однако высокий уровень регулирования, особенно в области экологии, инвестиций, защиты прав потребителей, условий труда и т.д., гарантированный NZIA, CRMA, ECA и механизмом СВAM, может ограничить инвестиции в ЕС из Китая. Закон ECA обеспечил ЕС приток инвестиций от Intel и TSMC, в то время как южнокорейские и японские компании сосредотачивают свои инвестиции на американском рынке. Китайская компания CATL выбрала рынок ЕС, поскольку ей заблокирован доступ на американский рынок, и, следовательно, будет конкурировать с южнокорейскими компаниями на рынке ЕС.

При таких разных направлениях торговой политики США и ЕС Южная Корея может получить большую выгоду по сравнению с другими странами Восточной Азии, поскольку ее стратегическая сила заключается в наличии двух развитых промышленных секторов – производства полупроводников и накопителей энергии, имеющих стратегическое значение. Южная Корея заинтересована в развитии отношений и с США, и с ЕС, благодаря чему эта страна сможет снизить свою высокую зависимость от Китая в плане поставок основных материалов и полупроводников. Япония может получить массу выгод от расширения поставок аккумуляторов на рынки США и ЕС. В то же время японская промышленность менее конкурентоспособна в производстве полупроводников. Япония может сосредоточиться на восстановлении полупроводниковой промышленности путем создания производственных альянсов и привлечения иностранных инвестиций от ведущих отраслевых компаний, таких как Intel, Samsung и TSMC. В долгосрочной перспективе положение Китая не будет устойчивым, даже несмотря на выход на рынок ЕС, поскольку он будет постоянно сталкиваться с систематическими проверками и контролем в стратегических высокотехнологичных областях со стороны США и ЕС. Китай по-прежнему нуждается в импорте высокотехнологичной продукции для дальнейшего развития своей промышленности. Если запретить отраслевым игрокам импортировать необходимую продукцию, промышленное развитие страны, скорее всего, замедлится. Это может стать основой стратегии США и ЕС, направленной на сокращение хронического дефицита торгового баланса с Китаем, поскольку Китай вынужден импортировать некоторое количество высокотехнологичной продукции из этих стран, а также из Южной Кореи и Японии по завышенным ценам.

В результате промышленное развитие Китая неизбежно замедлится, и он не сможет самостоятельно развивать эти отрасли в ближайшем будущем, хотя китайское правительство и намерено инвестировать в них огромный капитал и человеческие ресурсы.

Список источников (References)

Acemoglu D. (2009) *Introduction to Modern Economic Growth*. Princeton University Press.

Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (2017) Global Inequality Dynamics: New Findings From Wid.World. NBER Working Paper No 23119, National Bureau of Economic Research. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w23119/w23119.pdf (accessed 22 June 2024).

Bank of Korea (BOK) (2024) Hankukeunhaeng Gyoungje Tonggae Sistem [BOK Economic Statistics System]. Available at: <https://ecos.bok.or.kr/#/> (accessed 2 March 2024). (in Korean)

Benigno G., Di Giovanni J., Groen J., Noble A. (2022) Global Supply Chain Index: March 2022 Update. *Liberty Street Economics*, 3 March. Federal Reserve Bank of New York. Available at: <https://libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2022/03/global-supply-chain-pressure-index-march-2022-update/> (accessed 24 April 2023).

Bhagwati J. (2009) Does the US Need a New Trade Policy? *Journal of Policy Modeling*, vol. 31, issue 4, pp. 509–14. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2009.05.006>

Blockmans S. (2021) The EU's New Trade Policy: An Autonomous Assertion of Strategic Objectives? Friedrich Ebert Stiftung. Available at: https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2021/12/FES-Analysis_The-EUs-New-Trade-Policy_Steven-Blockmans_Sep21-1.pdf (accessed 18 June 2024).

Bouton M., Kull S., Page B., Veltcheva S., Wright T. (2011) Global Views 2010: American Public Opinion and Foreign Policy. ICPSR 31022, Inter-University Consortium for Political and Social Research [distributor]. Available at: <https://doi.org/10.3886/ICPSR31022.v1>

Bradford S., Greico P., Hufbauer G.C. (2006) The Payoff to America from Globalisation. *The World Economy*, vol. 29, issue 7, pp. 893–916. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2006.00828.x>

Broda C., Weinstein D.E. (2006) Globalization and the Gains From Variety. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 121, issue 2, pp. 541–85. Available at: <https://doi.org/10.1162/qjec.2006.121.2.541>

Brunswick Geopolitical (2023) The Inflation Reduction Act: US-EU Relations. 30 March. Available at: <https://www.brunswickgroup.com/the-inflation-reduction-act-us-eu-relations-i25272/> (accessed 5 May 2023).

Casanova R. (2022) The CHIPS Act Has Already Sparked \$200 Billion in Private Investments for U.S. Semiconductor Production. *Semiconductor Industry Association (SIA) Blog*, 14 December. Available at: https://www.semiconductors.org/the-chips-act-has-already-sparked-200-billion-in-private-investments-for-u-s-semiconductor-production/?utm_campaign=Press%20Releases&utm_medium=email&_hsmt=237815684&_hsenc=p2ANqtz--20D8NQvZpPngQNhzKPUvh2zM0_KZWvs5Dk_2hzvs8eNJ_Kghk8kTg6gfZ3Ub-PkSXIs0ovd8JQdDijOIEIaH9xp1Lo8YRKTvJz4PS-xULLimdbjzY&utm_content=237815684&utm_source=hs_email (accessed 18 June 2024).

Ciani A., Nardo M. (2022) The Position of the EU in the Semiconductor Value Chain: Evidence on Trade, Foreign Acquisitions, and Ownership. JRC Working Papers in Economics and Finance 2022/3, Joint Research Centre, European Commission. Available at: <https://joint-research-centre.ec.europa.eu/system/files/2022-04/JRC129035.pdf> (accessed 18 June 2024).

Congressional Budget Office (CBO) Committee for a Reasonable Budget (CRB) (2022) Options for Reducing the Deficit, 2023 to 2032. Vol. 1: Larger Reductions. Available at: <https://www.cbo.gov/system/files/2022-12/58164-budget-options-large-effects.pdf> (accessed 22 June 2024).

Council on Foreign Relations (n.d.) U.S.-China Relations: 1949–2023. Available at: <https://www.cfr.org/timeline/us-china-relations> (accessed 24 April 2023).

de Prado C. (2014) Prospects for the EU-Japan Strategic Partnership: a Global Multi-Level and Swot Analysis, Florence & Tokyo: EU-Japan Centre for Industrial Cooperation

Dunn B. (2015) *Neither Free Trade Nor Protection: A Critical Political Economy of Trade Theory and Practice*. Cheltenham and Northampton: Edward Elgar Publishing.

European Commission (2020a) Europe's Moment: Repair and Prepare for the Next Generation. COM(2020) 456 final. Brussels, 27 May. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0456&from=EN> (accessed 5 May 2023).

European Commission (2020b) Strategic Foresight Report 2020: Charting the Course Towards a More Resilient Europe. 9 September. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/strategic-planning/strategic-foresight/2020-strategic-foresight-report_en (accessed 18 June 2024).

European Commission (2021) Trade Policy Review: An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy. COM(2021) 66 final. Brussels, 18 February. Available at: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:5bf4e9d0-71d2-11eb-9ac9-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (accessed 4 May 2023).

European Commission (2023a) Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Establishing a Framework of Measures for Strengthening Europe's Net-Zero Technology Products Manufacturing Ecosystem (Net Zero Industry Act). COM(2023) 161 final. Brussels, 16 March. Available at: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:6448c360-c4dd-11ed-a05c-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (accessed 22 April 2023).

European Commission (2023b) Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 Establishing a Carbon Border Adjustment Mechanism. PE/7/2023/REV/1. Available at: <http://data.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj> (accessed 18 June 2024).

European Commission (2023c) Critical Raw Materials: Enduring Secure and Sustainable Supply Chains for EU's Green and Digital Future. Press Release, 16 March. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_1661 (accessed 7 May 2023).

European Commission (n.d.) European Chips Act. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-chips-act_en (accessed 7 May 2023).

European Strategy and Policy Analysis System (ESPAS) (2022) Global Semiconductor Trends and the Future of EU Chips Capabilities. ESPAS Ideas Paper Series. Available at: <https://espas.eu/files/Global-Semiconductor-Trends-and-the-Future-of-EU-Chip-Capabilities-2022.pdf> (accessed 18 June 2024).

European Union (EU) (2022) EU-China Relations Factsheet, 1 April. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-china-relations-factsheet_en (accessed 24 April 2023).

Eurostat (2023) China-EU: International Trade in Goods Statistics. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics (accessed 22 April 2023).

Feenstra R.C., Mandel B.R., Reinsdorf M.B., Slaughter M.J. (2009) Effects of Terms of Trade Gains and Tariff Changes on the Measurement of U.S. Productivity Growth. NBER Working Paper No 15592, National Bureau of Economic Research. Available at: <http://www.nber.org/papers/w15592.pdf> (accessed 2 May 2023).

Feinman J.N. (2016) A Closer Look: Backlash against Globalization: Déjà vu? *Deutsch Asset Management*. Available at: https://fundsus.deutscheam.com/EN/docs/research/A_Closer_Look_by_Josh_Feinman-2016-12.pdf (accessed 20 August 2024)

Fitri A. (2022) The US Wants to Cut Off East Asian Chip Exports to China: Some Asian Countries Are Set to Reap the Benefits. *Tech Monitor*, 14 November. Available at: <https://techmonitor.ai/technology/emerging-technology/us-east-asian-semiconductor-exports-china-asian-countries-benefit> (accessed 12 May 2023).

General Administration of Customs PRC (n.d.) China Customs Statistics. Available at: <http://english.customs.gov.cn/Statistics/Statistics?ColumnId=1> (accessed 13 May 2023).

Genereux F. (2017) Protectionism: A Brake on Economic Growth. *Desjardins Economic Studies*, 17 February. Available at: <https://www.desjardins.com/qc/en/savings-investment/economic-studies/protectionism-brake-economic-growth.html> (accessed 22 June 2024).

Goodman M., Arasaingham A. (2022) Regional Perspectives on the Indo Pacific Economic Framework. CSIS Briefs, 11 April, Center for Strategic & International Studies. Available at: <https://www.csis.org/analysis/regional-perspectives-indo-pacific-economic-framework> (accessed 22 June 2024).

- Goodman M., Reinsch W. (2022) Filling in the Indo-Pacific Economic Framework. Center for Strategic & International Studies, 26 January. Available at: <https://www.csis.org/analysis/filling-indo-pacific-economic-framework> (accessed 22 June 2024).
- Gomory R., Baumol W. (2009) Globalization: Country and Company Interests in Conflict. *Journal of Policy Modeling*, vol. 31, issue 4, pp. 540–55. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2009.05.013>
- Gstöhl, S. (2016) *The European Neighbourhood Policy in a Comparative Perspective: Models, Challenges, Lessons*. London: Routledge.
- Hillebrand E.E., Lewer J.J., Zagardo J.T. (2010) Backtracking from Globalization. *Global Economy Journal*, vol. 10, no 4, pp. 1–17.
- Ho J. (2023) IRA Spurs Japanese, South Korean Battery Investment. *Argus*, 10 May. Available at: <https://www.argusmedia.com/es/news-and-insights/latest-market-news/2447554-ira-spurs-japanese-south-korean-battery-investment> (accessed 18 June 2024).
- Holzhausen A. (2023) A Faustian Bargain: Europe’s Answers to the US IRA. Allianz Research, 7 February. Available at: https://www.allianz.com/content/dam/onemarketing/azcom/Allianz_com/economic-research/publications/specials/en/2023/february/2023_02_07-EuropeanIRA.pdf (accessed 14 February 2024).
- International Monetary Fund (IMF) (2023) World Economic Outlook, January Update. Available at: <https://doi.org/10.5089/9798400232244.081>
- Kannan V., Feldgoise J. (2022) After the CHIPS Act: The Limits of Reshoring and Next Steps for U.S. Semiconductor Policy. Carnegie Endowment for International Peace Working Paper. Available at: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/Kannan_Feldgois_CHIPS_final2.pdf (accessed 18 June 2024).
- Kim Y.-K. (2022) An Overview of the Content and Impact of the US Inflation Reduction Act. *National Assembly Budget Office (NABO) Focus*, vol. 52. Available at: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rc t=j&opi=89978449&url=https://korea.nabo.go.kr/naboEng/cmmn/file/fileDown.do%3FatchFileId%3D91-18f746ce0540b4887a025ae36e8fb9%26fileSn%3D1&ved=2ahUKewizozq-G-eWGAXUhO0QIHTrsBLsQFno ECBQQAQ&usq=AOvVaw3L0hQipbEGiL66s_jylrXB (accessed 18 June 2024).
- Kim E.-J. (2023) Chinese Battery Makers Turn to EU Due to US IRA, Putting Korean Battery Makers on Alert. *Business Korea*, 17 May. Available at: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=114691> (accessed 17 May 2023).
- Korea Development Institute (KDI) (2023) *Republic of Korea Economic Bulletin*, vol. 45, no 5. Available at: https://eiec.kdi.re.kr/userdata/eco_bul/202305/202305.pdf (accessed 14 February 2024).
- Korea International Trade Association (KITA) (2023) K-Statistics. Available at: <https://stat.kita.net/stat/istat/cts/CtsWholeList.screen> (accessed 13 May 2023).
- Krugman P.R., Obstfeld M. (2009) *International Economics: Theory and Policy*. Boston: Pearson, Addison-Wesley.
- Lawrence R.Z., Weinstein D.E. (1999) Trade and Growth: Import-Led or Export-Led? Evidence From Japan and Korea. NBER Working Paper No 7264, National Bureau of Economic Research. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w7264/w7264.pdf (accessed 18 June 2024).
- Lewer J.J., Van den Berg H. (2007) *International Trade and Economic Growth*, New York: Routledge.
- M’hamed S.C. (2022) The European Green Deal Perspectives for the EU-Asia Relationship. Konrad Adenauer Stiftung. Available at: <https://www.kas.de/documents/252038/16166715/The+European+Green+Deal+-+Perspectives+for+the+EU-Asia+Relationship.pdf/0ebdc459-7177-db7b-49cd-6410d66c48dd> (accessed 18 June 2028).
- Monier S. (2023) The US Inflation Reduction Act’s Potential, and Polarising Impacts. Lombard Odier, 21 February. Available at: <https://www.lombardodier.com/contents/corporate-news/investment-insights/2023/february/the-us-inflation-reduction-act-s.html> (accessed 22 June 2024).
- Mullaney T. (2023) How Manufacturing Chips in the US Could Make Smartphones More Expensive. *CNBC*, 9 March. Available at: <https://www.cnbc.com/2023/03/09/why-manufacturing-chips-in-us-may-make-smartphones-more-expensive.html> (accessed 12 May 2023).

- Natalegawa A., Poling G.B. (2022) Assessing U.S. and Chinese Influence in Southeast Asia, Center for Strategic and International Studies (CSIS), Aug. https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-08/230807_Poling_Influence_SoutheastAsia.pdf (accessed 20 August 2024)
- Nye J.S. (2022) America's China Challenge. *Project Syndicate*, 3 August. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/america-successful-response-to-china-challenge-by-joseph-s-nye-2022-08?barrier=accesspaylog> (accessed 24 April 2023).
- Ocampo J. (2004) Latin America's Growth and Equity Frustrations During Structural Reform. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 18, no 2, pp. 67–88. Available at: <http://doi.org/10.1257/0895330041371349>
- Organisation for Economic Development and Co-operation (OECD) (n.d.) Focus on the Global Economy. Available at: <https://www.oecd.org/coronavirus/en/themes/global-economy> (accessed 24 April 2023).
- O'Rourke K.H., Williamson J.G. (2001) *Globalization and History: The Evolution of Nineteenth Century Atlantic Economy*. Cambridge: The MIT Press.
- Park S.C. (2021) The Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) Without Indian Participation: Can It Work as Mega FTA? *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 2, pp. 157–82. Available at: <http://www.doi.org/10.17323/1996-7845-2021-02-08>
- Palmer D. (2009) Republicans Urge Obama to Roll Back “Buy American.” *Reuters*, 9 October. Available at: <https://jp.reuters.com/article/idUSTRE5975VY/> (accessed 18 June 2024).
- Pederson A. (2021) Sharper: Supply Chain Security. Center for New American Security, 6 October. Available at: <https://www.cnas.org/publications/commentary/sharper-supply-chain-security> (accessed 8 May 2023).
- Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty First Century*. Boston: Harvard University Press.
- Pollin R., Lala C., Chakraborty S. (2022) Job Creation Estimates Through Proposed Inflation Reduction Act. Political Economy Research Institute (PERI) Research Report. Available at: <https://develop-peri.umass.edu/images/publication/InflationReductionBillReport-8-4-22-PERI.pdf> (accessed 18 June 2024).
- Richter F. (2023) Lithium-Ion Batteries: Powered by China. *Statista*, 10 March. Available at: <https://www.statista.com/chart/29473/value-of-lithium-ion-battery-imports-to-the-united-states/> (accessed 12 February 2024).
- Rosen H. (2008) Strengthening Trade Adjustment Assistance. PIIE Policy Brief PB08-2, Peterson Institute for International Economics. Available at: <https://ceim.uqam.ca/ggt/IMG/pdf/Rosen-PetersonInstitute-01.08.pdf> (accessed 18 June 2024).
- Sahay R. (2022) How the US Inflation Reduction Act Will Impact the Economy. World Economic Forum, 2 November. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2022/11/how-new-laws-meet-climate-goals/> (accessed 13 May 2023).
- Samuelson P.A. (2004) Where Ricardo and Mill Rebut and Confirm Arguments of Mainstream Economists Supporting Globalization. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 18, no 3, pp. 135–46. Available at: <http://www.doi.org/10.1257/0895330042162403>
- Spencer J. (2022) Inflation Reduction Act or Radical Green New Deal? *The Heritage Foundation*, 29 July. Available at: <https://www.heritage.org/energy-economics/commentary/inflation-reduction-act-or-radical-green-new-deal> (accessed 14 May 2023).
- Statista (n.d.) United States Goods Trade Deficit With China From 2013 to 2023 (in Billion US Dollars). Available at: <https://www.statista.com/statistics/939402/us-china-trade-deficit/> (accessed 22 April 2023).
- Steinburg D., Tan Y. (2022) Public Responses to Foreign Protectionism: Evidence From the US-China Trade War. PIIE Working Paper 22-10, Peterson Institute for International Economics. Available at: <https://www.piie.com/sites/default/files/documents/wp22-10.pdf> (accessed 18 June 2024).
- The White House (2022a) Fact Sheet: CHIPS and Science Act Will Lower Costs, Create Jobs, Strengthen Supply Chains, and Counter China. Statements and Releases, 9 August. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/09/fact-sheet-chips-and-science-act-will-lower-costs-create-jobs-strengthen-supply-chains-and-counter-china/> (accessed 24 April 2023).
- The White House (2022b) Fact Sheet: Biden-Harris Administration Delivers on Made in America Commitments. Statements and Releases, 4 March. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/state->

ments-releases/2022/03/04/fact-sheet-biden-harris-administration-delivers-on-made-in-america-commitments/ (accessed April 30 2023).

The White House (2022c) Indo-Pacific Strategy on the United States. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 1 May 2023).

The White House (2022d) On-the-Record Press Call on the Launch of the Indo-Pacific Economic Framework. Press Briefings, 23 May. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2022/05/23/on-the-record-press-call-on-the-launch-of-the-indo-pacific-economic-framework/> (accessed 1 May 2023).

The White House (2023) Building A Clean Energy Economy: A Guidebook to the Inflation Reduction Act's Investments in Clean Energy and Climate Action, Version 2. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/12/Inflation-Reduction-Act-Guidebook.pdf> (accessed 18 June 2024).

The World Bank (n.d.) Trade (% of GDP): Brazil. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS?locations=BR> (accessed 30 April 2023).

Titievskaia A. (2019) EU Trade Policy: Frequently Asked Questions. EPRS PE642-229, European Parliamentary Research Service. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2019/642229/EPRS_IDA\(2019\)642229_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2019/642229/EPRS_IDA(2019)642229_EN.pdf) (accessed 18 June 2024).

United Nations (UN) Comtrade (n.d.) Database. Available at: <https://comtradeplus.un.org> (accessed 22 June 2024).

U.S. Bureau of Economic Analysis (2024) U.S. International Trade in Goods and Services, December and Annual 2023. *News Release*, 7 February. Available at: <https://www.bea.gov/news/2024/us-international-trade-goods-and-services-december-and-annual-2023> (accessed 11 February 2024).

U.S. Congressional Research Service (2022) CRS Annual Report: Fiscal Year 2022. Available at: https://www.loc.gov/crsinfo/about/CRS_AnnualReportFY2022_Final.pdf (accessed 23 June 2024).

USTR (2017a) United States-Mexico-Canada Agreement, <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement> (accessed 20 August 2024).

USTR (2017b) U.S. – Korea Free Trade Agreement, <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/korus-fta> (accessed 20 August 2024).

York E. (2023) Summary of the Latest Income Tax Data, 2023 Update. *Tax Foundation*, 26 January. Available at: <https://taxfoundation.org/publications/latest-federal-income-tax-data/> (accessed 29 April 2023).

Yu X.-R. (2023) Who's Winning the US-China Chip War? *Citigroup*, 11 October. Available at: <https://www.citigroup.com/global/insights/global-insights/who-s-winning-the-us-china-chip-war-> (accessed 12 February 2024).

Yuen S. (2024) Intersect Power Begins Commercial Operations of 820 MWp Solar Project in Texas. *PV Tech*, 12 January. Available at: <https://www.pv-tech.org/intersect-power-begins-commercial-operations-of-820mwp-solar-project-in-texas/> (accessed 15 February 2024).

Wolf M. (2020) Chain Reaction: The China Link in Global Supply Chains. *Deloitte Insights*, 4 December. Available at: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/asia-pacific/china-supply-chain.html> (accessed 8 May 2023).

New Era of U.S. and the EU Protectionism: How Will It Affect East Asia?^{1, 2}

S.-C. Park

Sang-Chul Park – Professor at Graduate School of Convergence Technology and Energy, Tech University of Korea; Korea, 429–793, Kyonggi-Do, Siheung-City, 2121 Jeongwang-Dong; scpark@tukorea.ac.kr

Abstract

Global political economy has been experiencing a new normal period through the COVID-19 pandemic and the Ukraine War since Jan. 2020. At the same time, the trade conflict between the USA and China has been continuing since the Trump Administration and even expanding to the technology conflict under the Biden Administration that has enhanced protectionism in the world trade. Due to these conflicts, discussions on de-globalization or re-globalization are raised. The two expected or unexpected historical events have resulted in a long wave of high inflation, energy and food crises, disorder of global supply chains etc. in the global economy, which is known as a new normal era shifted from low inflation, well-functioning global supply chains (GSCs) based on division of labor. In order to strengthen its economic and political leadership, the Biden government has upgraded the Trump's America First Policy to the Made in America Policy based on Chips and Science Act (CSA) and Inflation Reduction Act (IRA), which represent a new era of protectionism. In parallel, the EU has also considered to impose Net Zero Industry Act (NZIA) and other Acts. The research hypothesis is that protectionism in the name of economic security generates instability of the world trade. Its result may be negative impacts of some East Asian economies. This paper aims to analyze the new trend of protectionism in the USA and the EU. It also focuses on impacts of protectionism on East Asia in general and South Korea in particular.

Key words: Global economy and new normal, protectionism, trade and technology conflict, USA and the EU, East Asia

For citation: Park S.-Ch. (2024) New Era of U.S. and the EU Protectionism: How Will It Affect East Asia? *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no 2, pp. 21–55 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2024-02-02

¹ The article was submitted 14.11.2023.

² Translated by A. Ignatov, PhD in Political Science, Researcher, Centre for International Institutions Research of the Institute for Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).